

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОВ

КАЗАНИЯ
О ЗЕМЛЕ
РУССКОЙ

ОТ ТАМЕРЛАНА
ДО ЦАРЯ МИХАИЛА
РОМАНОВА

НАШЕСТВИЕ ТАМЕРЛАНА
ИВАН ШИ СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ
ИВАН ГРОЗНЫЙ. ВОЙНА СО ШВЕДАМИ
ГОДУНОВ-ПРАВИТЕЛЬ
ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА

Александр Дмитриевич Нечволодов
Сказания о земле Русской.
От Тамерлана до царя
Михаила Романова

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39480716

Сказания о земле Русской. От Тамерлана до царя Михаила Романова:

Центрполиграф; Москва; 2019

ISBN 978-5-227-07809-4

Аннотация

Автор знаменитого труда «Сказания о земле Русской» Александр Дмитриевич Нечволодов – боевой генерал, действительный член Императорского русского военно-исторического общества. В семье последнего русского императора Николая II первое издание «Сказаний» стало настольной книгой. В разных учебных заведениях царской России исследование долгие годы являлось историческим пособием.

Содержание

Часть первая. Образование Московского государства при преемниках Дмитрия Иоанновича Донского	5
Глава 1	5
Глава 2	113
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Александр Нечволодов

Сказания о земле Русской.

От Тамерлана до царя Михаила Романова

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

*Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича
Забелина, благодаря многолетним трудам
которого, созданным его глубокою душою и
проникновенным умом, каждый русский человек
получил драгоценное право гордиться своими
отдаленнейшими предками и с уверенностью
взирать на грядущие судьбы нашего великого народа*

Часть первая. Образование Московского государства при преемниках Дмитрия Иоанновича Донского

Глава 1

Великое княжение Василия Дмитриевича. Присоединение к Москве Нижегородского княжества. Подвиг отца Патрикия. Нашествие Тамерлана. Чудесное заступничество Царицы Небесной за Русскую землю. Турки в Европе. Битва на Косовом поле. Сражение на Ворскле. Витовт захватывает Смоленск. Нашествие Едигея. Славяне бьют немцев на Зеленом поле. Городельская уния. Великий князь Василий Темный. Смута. Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Казанское и Крымское царства. Свидригайло. Сигизмунд. Казимир. Флорентийский собор. Святой митрополит Иона. Взятие Царьграда турками. Русская земля в XV веке. Святые Савватий и Зосима – соловецкие чудотворцы

Димитрий Иоаннович Донской оставил Русской земле в лице своего старшего сына достойного преемника для выполнения тех великих заветов, которые передавались московскими князьями от одного к другому, по умильному выражению Симеона Гордого, «для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Несмотря на свой 17-летний возраст, Василий Димитриевич вступил на отцовский престол уже достаточно умудренным большим и разнообразным жизненным опытом. Еще 11-летним отроком он был послан отцом в Орду, чтобы отстаивать великокняжеский стол от притязаний князя Миха-

ила Тверского. Насильно задержанный там заложником за московский долг в 8 тысяч рублей, деятельный и предприимчивый Василий, «умысли крепко с верными своими доброхоты», как выражается летописец, бежал из своего плена, получил после многих скитаний приют у великого князя литовского Витовта, обещал ему в благодарность за это жениться на дочери и наконец благополучно прибыл в Москву.

Огромную помощь и поддержку молодому великому князю в занятиях государственными делами оказывали, конечно, его умная мать, беззаветно преданная Русской земле и православию великая княгиня Евдокия Дмитриевна, а также и верные бояре, доблестные сподвижники его великого отца.

Из этих бояр особенно замечательны были славный начальник засадного полка во время Куликовской битвы князь Димитрий Михайлович Боброк-Волынский; великий воевода Тимофей Васильевич Вельяминов; боярин Иван Родионович Квашня, сын известного боярина Ивана Калиты Родиона Нестеровича, и, наконец, знаменитый боярин Федор Андреевич Кобылин, носивший прозвание Кошка, предок царствующего дома Романовых, на попечение которого во время Куликовской битвы была оставлена в Москве вся великокняжеская семья; впоследствии такой же близостью к великому князю пользовался сын Федора Андреевича Иван; на дочери же Федора Андреевича Кошки, отличавшегося большим умом, спокойствием и ласковостью об-

ращения, был женат сын великого князя тверского Михаил Александрович.

Это преданное московское боярство составляло ближайший круг советников Василия Димитриевича.

Что же касается двоюродного дяди молодого великого князя – знаменитого Владимира Андреевича Храброго, то, по-видимому, он был несколько обижен слишком большой близостью перечисленных выше бояр к своему племяннику, почему вскоре после вокняжения Василия, в том же 1389 году, он отправился с семьей из Москвы в свой удел Серпухов, а затем и в Торжок, принадлежавший Новгороду. Но эта размолвка длилась весьма недолго и закончилась в начале 1390 года искренним примирением дяди и племянника, после которого Владимиру Андреевичу не раз представлялся случай верно послужить своим мечом на пользу молодого московского великого князя.

В том же 1390 году была отпразднована в Москве, к большому удовольствию народа, свадьба Василия Димитриевича с юной Софьей Витовтовной. Затем Василий Димитриевич отправился в Орду, где был принят с необыкновенным почетом и где ознаменовал свое пребывание крупным шагом в деле собирания Русской земли под единую власть Москвы. А именно он приобрел себе ярлык, разумеется за деньги и богатые дары, на княжество Нижегородское, которое незадолго перед этим купил себе в Орде князь Борис Константинович Городецкий, а также на Городец, принадлежавший

последнему, Мещёру, Муром и Тарусу.

Этот поступок Василия Дмитриевича вполне оправдывался государственной необходимостью, тем более что у всех русских людей было еще свежо в памяти, как нижегородские князья в угоду Тохтамышу сопровождали его Орду до самой Москвы, причем город при их посредстве был взят лестью и страшно опустошен.

Сами нижегородцы сильно тянули к Москве, и поэтому когда, возвратившись из Орды, Василий Дмитриевич послал в Нижний татарского посла и своих бояр объявить волю хана, то нижегородские дружинники и народ, собранный по звону колоколов, обеими руками выдали московским людям своего князя.

Поступок нижегородцев наглядно показывает, как велико было уже у всех русских людей сознание необходимости сплотиться вокруг московского великого князя, чтобы создать несокрушимую народную твердь для возрождения Русской земли от всех тех бед и невзгод, которые постигли ее вследствие губительного разделения власти над ней при преемниках Ярослава Мудрого.

Но, разумеется, утверждение нового порядка вещей в Нижегородском княжестве не обошлось без некоторого сопротивления, и Василий Дмитриевич вынужден был содержать князя Бориса Константиновича под стражей до конца его жизни; племянники же Бориса Василий и Семен, а впоследствии и сыновья Иван и Даниил делали целый ряд попыток,

чтобы вернуть себе Нижний, и прибегали для этого к помощи различных татарских царевичей, которых приводили в пределы московских владений.

Последняя из этих попыток была в 1411 году, когда сын Бориса Константиновича Даниил тайно привел татарский отряд к Владимиру на Клязьме с целью его захватить. Татары подкрались к городу в полдень, во время послеобеденного отдыха жителей, и без труда овладели им, избив множество людей; затем они зажгли его со всех концов и предались грабежу. При этом значительная часть их жадно устремилась к соборной церкви Владимирской Божией Матери, чтобы разграбить ее сокровища. Но в ней затворился доблестный священник, отец Патрикий. Он собрал сколько мог драгоценной церковной утвари и казны, спрятал их в укромном месте храма, запер двери, затем отбросил от церкви лестницы и стал молиться, проливая горячие слезы, перед образом Пречистой. Скоро татары вломились в собор, ограбили его, схватили Патрикия и стали пытаться, допрашивая, где спрятана казна. Они ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу, но Патрикий не сказал им ни слова. Тогда поганные привязали его за ноги к лошадиному хвосту, и доблестный пастырь, влекомый по земле своими мучителями, испустил наконец свой дух, оставив навеки в сердцах русских людей светлую память о своем подвиге. Такие отдельные разбойнические набеги татарских царевичей и князей постоянно имели место и в других частях нашей

Родины.

Так, в самый год поездки великого князя Василия Димитриевича в Орду, в 1392 году, один из царевичей разорил независимую русскую общину Вятку, основанную в конце XII века Новгородом, за что через несколько месяцев новгородцы, соединившись с устюжанами, спустились по реке Вятке на больших лодках и разорили татарские города Жукотин, Казань и Болгары.

Вслед за присоединением Нижегородской земли Василию Димитриевичу пришлось вступить в борьбу и с Господином Великим Новгородом. Причиной этой борьбы был вопрос о церковном суде. Как мы знаем, новгородский архиепископ всегда зависел от митрополита Московского, причем право церковного суда над новгородцами принадлежало последнему. В 1385 году новгородцы вздумали освободиться от митрополичьего суда, созвали вече и постановили на нем не ходить на суд в Москву к митрополиту, а судиться у своего владыки, после чего написали об этом грамоту и целовали на ней крест. Но с этим никак не хотел согласиться митрополит Киприан, и в 1391 году он самолично прибыл в Новгород, чтобы уговорить его жителей подчиниться его суду, причем разорвал означенную грамоту как незаконно составленную. Однако новгородцы упорно не соглашались на его требования, и Киприан уехал от них в большой обиде. Василий Димитриевич, хорошо понимая, что отделение Новгорода от митрополита знаменовало бы и отпадение этого города от

Москвы, решил поддержать требование Киприана высылкой своей рати к Торжку, который она и заняла. Вскоре жители Торжка возмутились и убили московского боярина Максима, а новгородцы из Заволочья взяли великокняжеский город Устюг. За это Василий велел схватить убийц Максима и предал их суровой казни в Москве. Тогда новгородцы, убедившись в непреклонной твердости великого князя, не замедлили запросить у него мира и согласились на митрополичий суд.

Скоро этой твердости духа молодого великого князя пришлось перенести весьма тяжкое испытание. Новое вторжение с востока огромнейших полчищ варваров грозило нашей Родине повторением ужасов Батыева нашествия.

В недрах Азии появился новый грозный завоеватель, не менее знаменитый и ненасытный, чем Чингисхан, от которого он и происходил по женской линии. Это был Тамерлан, или Темир-Аксак, прозванный также за свою хромоту Железным хромцом. Будучи мелким монгольским князьком, Тамерлан терпел в юные годы различные испытания и невзгоды, среди которых закалялся его дух и зрели его замыслы о повторении времен Чингисхановых. В 1352 году все достояние Тамерлана, укрывавшегося в пустыне от врагов, заключалось в тощем коне и дряхлом верблюде, а несколько лет спустя благодаря своим удивительным военным и государственным дарованиям, соединенным с бесчеловечной кровожадностью, он был уже повелителем 20 держав в трех

частях света – Азии, Европе и Африке. В числе этих подвластных ему держав были владения Персидские, Индийские, Сирийские, Египетские, а также Волжская, или Золотая, Орда, в которой Тохтамыш занял престол после Мамаю именно благодаря покровительству Тамерлана.

Однако через несколько лет Тохтамыш, надеясь на свои силы, решил отложиться от Тамерлана, имевшего свое главное пребывание в Самарканде. Но Тамерлан в 1393 году быстро двинулся против него со своими страшными полчищами, смело прошел через огромные Киргизские степи, причем войска его, уподобляя свое шествие роду непрерывной охоты, питались главным образом мясом убиваемых во множестве диких коз, сайгаков и других степных животных. После этого в пределах нынешней Астраханской губернии Тамерлан наголову разбил Тохтамыша, бежавшего затем за Волгу, и вернулся к себе в Самарканд. Два года спустя, в 1395 году, Тамерлан вновь двинулся против Тохтамыша, опять поднявшегося против него. Решительная битва обоих противников произошла между реками Тереком и Кубанью, близ нынешнего города Екатеринодара. Долго успех сражения колебался то в ту, то в другую сторону. Сам Тамерлан подвергался величайшей опасности. Окруженный врагами, расстреляв все свои стрелы и изломав копье, он все же не потерял своей твердости и хладнокровия, тогда как Тохтамыш, имея в своем распоряжении свежие силы, вдруг победил, объятый ужасом.

Тамерлан преследовал его до Волги, посадив на его место в Золотой Орде другого хана, а затем, к великому ужасу всех русских людей, вместо того чтобы повернуть назад, продолжал свое наступление к северу и, перейдя Волгу, вступил в наши юго-восточные пределы. Подступив к городу Ельцу, он без труда взял его, внося всюду по пути ужас и опустошение.

В эти бедственные дни великий князь Василий Димитриевич показал себя достойным преемником своего великого отца. Подобно ему, он начал созывать русских людей на страшный бой с грозным врагом, и на призыв его стали отовсюду собираться полки. Многие старцы, славные участники Куликовской битвы, сели вновь на коней и явились под знамена, чтобы умереть за свою Родину и за веру православную. Сам великий князь начальствовал над войском и расположился близ Коломны, на берегу реки Оки, бодро ожидая дальнейших действий врага и оставя престарелого князя Владимира Андреевича для защиты Москвы, где народ денно и нощно молился во всех храмах. Желая успокоить жителей столицы, Василий Димитриевич написал из своего стана митрополиту Киприану, чтобы он перенес в Москву славную икону Божией Матери из стольного города Владимира.

В самый день Успенья владимирцы с великим плачем и слезами проводили свою защитницу, а 26 августа весь московский народ, старые и малые, богатые и бедные, здоровые и убогие, во главе с духовенством, князьями и боярами и, конечно, великой княгиней Софьей Витовтовной вышли

навстречу чудотворному образу. «И сретоша далече за градом, — рассказывает летописец, — и яко узреша Пречюдный образ Богоматери и на пречистых Ея дланех Пречистый образ Иисус Христов, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами из сердца вздыхающе и молящися прилежно...»

Эта горячая молитва московского народа была услышана Многомилостивой Покровительницей земли Русской.

Тамерлан, с лишком две недели стоявший на своем месте, не подвигаясь «ни семо, ни онамо», вдруг побежал без оглядки в свои степи, именно в тот самый день и час, когда Москва торжественно встречала чудотворную икону. Перед этим он спал и видел во сне огромное воинство в блистающих доспехах, а над ним несравненный облик Царицы, погруженной в жаркую молитву. Вместе с тем ему предстали святые старцы и грозно потребовали отойти от пределов Русской земли. До глубины души смущенный этим видением, Тамерлан немедленно же отдал распоряжение об отступлении своих войск.

Вскоре Тамерлан обратил свои усилия для того, чтобы сломить могущество турок, грозные победы которых возбуждали уже сильнейшую тревогу во всей Европе.

Первоначальной родиной турок была Средняя Азия, где они с давних времен славились своей большой воинственностью. Страшные перевороты среди азиатских народов, вызванные завоеваниями Чингисхана, привели в движение и турецкие племена, которые благодаря военному устройству

своего быта быстро стали господами в Малой Азии, всюду проповедуя огнем и мечом учение Магомета, а затем ряд хищных турецких султанов начали сильно теснить слабую Византийскую империю, раздираемую к тому же внутренними усами.

Перебрасывая свои войска через узкий Босфорский пролив, турки направляли свои удары и на православные славянские племена, обитавшие на Балканском полуострове, на болгар и на сербов.

Город Царьград, охваченный со всех сторон турками, благодаря своим крепким стенам и постоянным богатым дарам, подносимым султанам, сохранял еще до времени тень своей независимости и свободы, но уже в 1361 году султан Мурат I захватил Адрианополь и перенес сюда свою столицу из Азии. Этот Мурат основал знаменитых янычар, отборную турецкую пехоту, набиравшуюся исключительно из христианских детей, воспитывавшихся турками в самой большой ненависти к вере своих отцов.

Утвердившись в Адрианополе, Мурат стал деятельно готовиться к полному порабощению южных славян, и в 1389 году, в самый год смерти Донского героя, нанес этим славянам страшное поражение на Косовом поле, несмотря на изумительное мужество сербов, босняков, болгар, валахов и албанцев. В битве этой пали и вожди обоих воинств: славный король сербский Лазарь и сам Мурат. Его убил серб исполненной силы Милош Кабилович: чтобы сразить страшного

врага своего отечества, он явился в турецкий стан под видом перебежчика, выпросил позволение поклониться в ноги султану и затем, представ пред ним, поразил его насмерть, за что, конечно, был тут же убит.

Мурату наследовал еще более жестокий и хищный сын его Баязет I. После смерти отца тут же на поле сражения он повелел воздвигнуть множество пирамид из голов убитых христиан, а затем, покорив всю Болгарию и Сербию, он взял себе в жены дочь покойного короля Лазаря. В 1396 году Баязет нанес под Никополем страшное поражение ополченцам нового Крестового похода, созванного против него папою Бонифацием IX. После этих побед самоуверенность и зверства турок не знали никаких границ, и Баязет устремил все свои усилия, чтобы окончательно покорить Царьград, причем в течение пяти лет держал несчастный город в осаде, от которой тот, без сомнения, должен был пасть. Но вдруг неожиданно Баязету пришлось снять эту осаду и помериться всеми своими силами с Тамерланом.

Ненасытный Железный хромец, осведомленный о подвигах Баязета в Европе и Малой Азии, отправил к нему послов со следующим высокомерным требованием: «Знай, – писал он Баязету, – что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого, что цари служат мне телохранителями и стоят рядами перед шатром моим; но судьба у меня в руках и счастье всегда со мною. Кто ты? Муравей Туркоманский, дерзнешь ли восстать на слона?.. Если робкие европей-

цы обратили тыл перед тобою – славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных или погибнешь».

Гордый Баязет отвечал на это послание короткими словами: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой».

Столкновение обоих противников произошло в 1402 году в Малой Азии, на полях близ Ангоры. Здесь, несмотря на свое мужество и на отчаянную храбрость янычар, Баязет был наголову разбит и, захваченный в плен, принесен в клетке к Тамерлану, который вслед за тем богато одарил его, глубокомысленно рассуждал с ним о тленности мирского величия и отпустил своим данником. Эта победа Тамерлана над турками отсрочила на полстолетия переход Царьграда под владычество последних.

Покорив Баязета, Тамерлан пребывал большею частью в Самарканде, причем он, по примеру Чингисхана, сея всюду ужас и разорение, проливая потоки крови, воздвигая огромные пирамиды из человеческих черепов и обращая в груды пепла цветущие города, любил беседовать с учеными, лицемерно показывал себя другом науки и пускался в длинные рассуждения о ничтожестве человеческой жизни, о добродетели и о бессмертии. Он умер и погребен в Самарканде же, входящем ныне в состав нашего Туркестанского военного округа. Посреди великолепной мечети, выстроенной для

упокоения его останков, находится роскошная гробница, но она заключает в себе лишь прах его учителя. Сам же Тамерлан, до конца жизни оставаясь лицемером, смиренно приказал себя похоронить у его ног.

Таков был Тамерлан, от ужасов нашествия которого 26 августа 1395 года спасло Русскую землю заступничество Царицы Небесной.

В память этого чудесного события на Кучковом поле, где был встречен жителями Москвы чудотворный образ, воздвигнут Сретенский мужской монастырь, причем день Сретенья до сих пор всенародно празднуется всею Россиею, а в Москве установлен и крестный ход из Успенского монастыря в Сретенский.

В Богородичной же церкви во Владимире вместо присланной в Москву иконы была поставлена другая, в меру и подобие подлинной, причем она, по преданию, была написана еще святым митрополитом Петром.

Вскоре после того, как полчища Тамерлана отхлынули от наших пределов, великому князю Московскому опять пришлось вступить в борьбу: новгородцы вновь отказались от митрополичьего суда, а затем и отказались разорвать свое соглашение с ливонскими немцами, когда этого потребовал Василий Димитриевич.

Это послужило поводом к открытию неприязненных действий со стороны Москвы, причем главное внимание Василия было обращено на богатую Новгородскую область —

Двинскую землю, откуда получалось так называемое закамское серебро и дорогие меха, шедшие из Сибири; славилась также Двинская земля и многими другими промыслами, особенно же птицеводством, и лучшие соколы или кречеты для великокняжеских охот ловились именно в ней.

Жители Двинской земли и сами воеводы новгородские, находившиеся в ней, весьма охотно объявили себя за московского великого князя, войска которого заняли уже Вологду, Торжок и некоторые другие города. Встревоженные этим, новгородцы поспешили отправить в Москву посольство, чтобы умиловить Василия Димитриевича. Но последний, оказав ласку посольству, не хотел и слышать о возвращении Двинской земли. Этот отказ пробудил былой воинский дух новгородцев. Они снарядили рать, вошли в Двинскую землю и, произведя там великое опустошение, захватили бояр, передавшихся Москве, после чего, вернувшись в Новгород, главного из них сбросили с моста в Волхов. Вслед за тем новгородцы послали просить мира у великого князя, и Василий, несмотря на внутреннюю досаду, согласился на него, до времени отказавшись от мысли присоединить Двинскую землю к Москве. Причиной этой уступчивости были дошедшие до него слухи о сношении Новгорода с его тестем, великим князем Литовским Витовтом.

Отношения к Витовту являлись важнейшим государственным делом за все 36-летнее великое княжение Василия ввиду того значения, которое приобрел первый на Лит-

ве. Мы видели, что в 1386 году Ягайло, вступив в брак с Ядвигой Польской и перейдя в латинство, в которое он окрестил и свой народ, соединил в своем лице власть над Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Но соединение власти над Литвой под польской короной скоро оказалось ему не под силу. Потеря самостоятельности Литвы была сочтена за обиду сидевшими в ней удельными князьями и боярами, причем во главе недовольных стал двоюродный брат Ягайлы Витовт. Он считал себя лично обиженным Ягайлой, в угоду которому он разорвал свои сношения с Немецким орденом, а также вторично перешел из православия в католичество, и был обижен именно тем обстоятельством, что Ягайло назначил своим наместником на Литве не его, а своего родного брата Скиргайлу.

Скоро Витовт открыто поднялся против Ягайлы, вновь заключив договор с немецкими рыцарями, которые, чтобы обеспечить себе его верность, взяли в заложники двух малолетних сыновей Витовта и брата Кондрата.

Поднятая Витовтом борьба с Ягайлой продолжалась с 1389 по 1392 год и велась с большим ожесточением, причем в ней принимали деятельное участие немцы. Витовт рассчитал, что ему выгоднее будет примириться с Ягайлой, который со своей стороны также очень желал мира и шел на большие уступки. Но этому примирению мешал договор Витовта с немцами: для них борьба его с Ягайлой была как нельзя более на руку. Тогда Витовт, чтобы разорвать с ними,

решил пожертвовать своими сыновьями и братом. Он вероломно напал на один рыцарский отряд, разбил его, захватил несколько немецких укрепленных замков и 4 августа 1392 года заключил с Ягайлой мирный договор, по которому получил достоинство великого князя Литовского на правах самостоятельного государя, обещая польскому королю неразрывный союз и свое содействие в случае надобности. За это немцы, в отместку Витовту, отравили его обоих детей и заковали в оковы брата. Бывший же наместник Ягайлы на Литве, брат его Скиргайло, получил княжество Киевское, вскоре перешедшее после его смерти также под власть Витовта.

Таким образом, пожертвовав двумя сыновьями (а других детей у него не было) и братом, Витовт стал могущественным князем Литовским, причем в состав его владений входило вдвое больше чисто русских земель, собранных еще Гедимином и Ольгердом, чем литовских. Будучи человеком громадного честолюбия, при этом чрезвычайно скрытным и весьма вероломным, «неверником правды», по выражению летописца, Витовт успешно освободился разными средствами от большинства из своих подручных крупных удельных литовских князей, а затем направил все свои усилия к дальнейшему собиранию Русской земли, причем в этом деле он непременно должен был встретить соперника в лице другого собирателя Русской земли, своего зятя – великого князя Московского.

Здесь будет уместно отметить большую разницу в соби-

рации Русской земли со стороны московских князей и литовских. Для московских князей это было делом священного завета их предков и митрополита Петра-чудотворца – собрать воедино наследие святого Владимира – православный русский народ, разбитый на множество отдельных частей вследствие губительного порядка владения землей целым родом, установившегося после Ярослава Мудрого. Литовские же князья собирали то, что им никогда не принадлежало, то есть были простыми хищниками. Они были чужды как русскому народу, так и православию и с необыкновенной легкостью меняли при надобности свою веру и на язычество, и на латинство.

При этих условиях принятие Ягайлой польской короны и католичества повлияло, конечно, самым неблагоприятным образом на православных подданных литовского князя, так как на него скоро возымело сильнейшее влияние польское католическое духовенство. И вот после казни двух своих придворных, не захотевших изменить православию, Ягайло издал в 1387 году указ, предписывавший всем литовцам знатного рода принимать католическую веру, причем в эту веру должны были непременно переходить и русские, бывшие в браке с литовцами; упорствующих же приказано было жестоко сечь розгами.

Вместе с тем всем литовским и русским панам, принявшим латинство, Ягайло даровал важные преимущества и льготы против остававшихся в православии. Таким образом,

на Литве все льготы перешли к католикам, а гонения и притеснения — на православных. Большим соблазном к переходу в латинство служило для литовских бояр и дворян то льготное и независимое положение, которым пользовалось в Польше как высшее дворянство — магнаты, так и мелкое — шляхта.

В Польше вследствие слабости королевской власти высшее сословие давно уже забрало в свои руки огромную власть в делах государства и владело большой земельной собственностью. В XIV же столетии король Владислав Локетек, также по причине своей слабости, должен был дать большие права и мелкой шляхте. Вместе с тем благодаря близости к Западу в высшем польском сословии сильно развилось иноземное, преимущественно немецкое, влияние, которое оторвало по взглядам, воспитанию, привычкам и вкусам это сословие от простого сельского люда. При этом иноземные заимствования и обычаи требовали более разнообразной и роскошной жизни, и поэтому в Польше стало быстро образовываться городское, промышленное население, преимущественно из ремесленников, иноземцев и жидов, которым покровительствовал ряд польских королей, особенно же Казимир Великий под влиянием своей возлюбленной — жидовки Эстерки. Скоро польские города получили особое самостоятельное управление с большими вольностями и правами по немецкому, или так называемому Магдебургскому, праву. Самым же бесправным сословием в Польше было крестьян-

ство.

Порядки, близкие польским, стали устанавливаться и в Великом княжестве Литовском. Как мы уже говорили, бояре, или паны, перешедшие в латинство, получили большие права против православных. Город Вильна тоже получил, подобно большим польским городам, Магдебургское право и стал быстро заселяться немцами и жидами, причем последним Витовт оказывал особое покровительство. По грамоте его от 1388 года «за увечье и убийство жида христианин отвечает так же, как за увечье и убийство человека благородного звания; за оскорбление жидовской школы полагается тяжкая пеня; если же христианин разгонит жидовское собрание, то кроме наказания по закону все его имущество отбирается в казну. Наконец, если христианин обвинит жида в убийстве христианского младенца, то преступление должно быть засвидетельствовано тремя христианами и тремя жидами добрыми; если же свидетели объявят обвиненного жида невинным, то обвинитель сам должен потерпеть такое наказание, какое предстояло обвиняемому». Все эти порядки шли, разумеется, в ущерб православному населению великого княжества, то есть большинству его сельских обитателей.

Прочно утвердя свое положение в Литве, Витовт прежде всего устремил свой взор на город Смоленск, бывший предметом вожделений и его дяди Ольгерда. Скоро представился удобный случай попытаться овладеть им. В 1395 году великий князь Московский Василий Дмитриевич был озабо-

чен страшным нашествием Тамерлана, а в Смоленске шла в это время сильная усобица между удельным князем Юрием Смоленским со своими братьями, причем Юрий должен был временно уехать из города к своему тестю, престарелому Олегу Рязанскому, тому самому, который был противником Дмитрия Донского в вечнопамятные дни Мамаева нашествия.

Этим воспользовался Витовт. Распустив слух о своем движении против татар, он неожиданно подступил к Смоленску; затем под видом родства (его вторая жена была дочерью одного смоленского князя) он зазвал к себе в стан всех бывших в городе смоленских князей, обещая им посредничество при дележе волостей, а когда те, ничего не подозревая, собрались к нему, то велел их заковать и отправить в Литву. Смоленск же он занял литовским отрядом, захватившим и кремль. Олег Рязанский пытался было заступиться за своего зятя, но Витовт вторгся в его владения и, «пролив кровь, как воду, и побив людей – сажая их улицами», по выражению летописца, – с торжеством вернулся к себе в Литву.

Видя все происходящее, Василий Димитриевич, конечно, внутренне сильно досадовал на тестя; однако он не признавал себя достаточно сильным, чтобы вступить с ним в борьбу за Смоленск. Витовт был в это время на вершине своей славы и считался одним из могущественных государей Европы. Скоро между ним и Ягайлой опять возникли нелады. Ягайло, по настоянию Ядвиги, стал требовать от Литвы уплаты

прежнему жениху своей жены, принцу Вильгельму Австрийскому, 200 000 червонцев, согласно данному ему обещанию при расторжении с ним брака. Это требование сильно оскорбило Витовта; он собрал в Луцке своих бояр и с негодованием объявил им о нем, сказав: «Мы не рабы Польши, предки наши никому не платили дани. Мы люди свободные, и наши предки кровью приобрели нашу землю».

Все это, разумеется, было передано Ягайле и Ядвиге, которая так огорчилась поведением Витовта, что вскоре умерла, причем, ввиду своей бездетности, взяла с Ягайлы обещание вступить по ее смерти в брак с одной из внучек Казимира Великого.

Витовт же, готовясь к разрыву с Польшей и также имея виды на Новгород, где у него были сторонники, питавшие вражду к Москве, опять вошел в соглашение с немцами и заключил с ними договор, причем за помощь, которую ему обещал орден в деле овладения Великим Новгородом, Витовт согласился на подчинение немцам Пскова.

Вот почему, по-видимому, великий князь Василий Дмитриевич, проведая про сношение новгородцев с Витовтом, которые готовы были ему передаться, согласился заключить с вольным городом мир и отказался при этом временно от видов на Двинскую землю.

Захватив Смоленск, будучи готовым к разрыву с Польшей и простирая свои виды на Великий Новгород, Витовт, упоенный своими успехами, считал себя достаточно сильным,

чтобы помериться силами и с татарами. Он приютил у себя в Литве Тохтамыш¹, разбитого Тамерланом, и желал восстановить первого в его прежних владениях, с тем чтобы он помог затем Витовту добыть Москву. Эта поддержка Тохтамыша привела Витовта в столкновение с новым ханом Золотой Орды Темир-Кутлуем, ставленником Тамерлана. Собрав огромное ополчение из своих литовских и русских подданных и присоединив к ним отряды поляков, немцев, тохтамышевых татар и других народностей, Витовт выступил с этой ратью в 1399 году к южным степям, по тому пути, по которому ходил некогда Владимир Мономах на половцев, мечтая нанести татарам поражение, подобное куликовскому.

Однако большая разница была в целях обоих вождей, Дмитрия Донского и Витовта, и в чувствах, воодушевлявших их воинства. Для Дмитрия Донского и его доблестных сподвижников, сынов православной Руси, Куликовская битва была страшным и великим подвигом во имя своей веры, народности и земли. Все они шли в бой, связанные взаимным общим согласием и горячей надеждой на заступничество Божие, обещанное святым Сергием Радонежским.

Витовт же и его разнородное воинство, идя на татар, вовсе не были одушевлены каким-либо великим или чистым помыслом. Рать шла для восстановления Тохтамыша, с тем чтобы при его посредстве можно было управиться затем и с

---

¹ До сих пор в Западной России сохранились потомки приведенных Тохтамышем татар: это так называемые литовские татары.

Москвой.

Перед выступлением Витовта в поход к нему явился посол Темир-Кутлук с требованием выдать ему Тохтамыш. Но Витовт отвечал: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуком хочу видаться сам». При подходе Витовта к берегам реки Ворсклы Темир-Кутлук послал его спросить: «Зачем ты на меня пошел? Я твоей земли не брал, ни городов, ни сел твоих». Высокомерный Витовт отвечал: «Бог покори мне все земли, покорись и ты, будь мне сыном, а я тебе буду отцом и плати мне ежегодную дань; а не захочешь быть сыном, так будешь рабом, и вся Орда твоя будет предана мечу». На это требование хан, по-видимому чтобы выиграть время для подхода всех своих отрядов, дал свое полное согласие. Тогда Витовт, видя такую уступчивость, послал новое требование, а именно: чтобы на всех ордынских деньгах чеканилось клеймо литовского князя в знак подданства ему татар. Хан соглашался и на это, прося лишь три дня на размышление для окончательного ответа. Витовт дал ему три дня.

А за эти три дня к Темир-Кутлук подошел поседевший в боях сподвижник Тамерлана, князь Едигей, также распорядившийся самовластно в Орде именем хана, как это в свое время делал Мамай.

Узнав о предложении Витовта, Едигей пожелал иметь с ним личное свидание. И вот они съехались на противоположных берегах Ворсклы. «Князь храбрый! – насмешливо

начал свою речь Едигей. – Наш царь справедливо мог признать тебя отцом, он моложе тебя годами; но зато я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцом, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на литовских деньгах мою печать». Речь эта привела, разумеется, Витовта в неистовую ярость, и он приказал тотчас же готовиться к битве.

Спытко, воевода краковский, видя огромные полчища татар (их было до 200 000 человек), имел благоразумие настойчиво советовать Витовту, не вступая в бой, искать с ними примирения; но остальные военачальники встретили его совет с пренебрежением, причем дерзкий польский пан Щуковский хвастливо сказал Спытке: «Если тебе жаль расстаться с твоей красивой женой и с большими богатствами, то не смущай по крайней мере тех, которые не страшатся умереть на поле битвы». – «Сегодня же я паду честной смертью, а ты трусливо убежишь от неприятеля», – ответил ему на это Спытко. Предсказание его оправдалось: татары нанесли страшное поражение воинству Витовта, причем первыми бежали Тохтамыш и пан Щуковский, а затем Витовт. Дстойный же Спытко пал смертью героя. Ужасное кровопролитие продолжалось до глубокой ночи. «Ни Чингисхан, ни Батый, – говорит Н.М. Карамзин, – не одерживали победы совершеннейшей». Едва одна треть Витовтовой рати вернулась домой, татары преследовали ее до Киева, опять разграбив несчастный город и Печерскую обитель.

Разгром Витовта на берегах Ворсклы был, конечно, на руку великому князю Московскому, но вместе с тем он показал, какую огромную силу представляют татары, с которыми мы после Тамерланова нашествия перестали вовсе считаться и прекратили всякие сношения.

Одним из следствий поражения Витовта татарами было обратное овладение Смоленском в 1401 году его бывшим князем Юрием при помощи тестя – Олега Рязанского. Но, севши вновь в Смоленске, Юрий не сумел его долго удержать. Он скоро восстановил против себя городских жителей своими жестокостями по отношению к сторонникам Витовта, и когда в 1402 году умер Олег Рязанский, то Юрий был вынужден обратиться за защитой против Витовта к московскому великому князю. «Тебе все возможно, – говорил Юрий Василию Димитриевичу, – потому что он тебе тесть. Если же он ни слез моих, ни твоего совета не послушает, то не отдавай меня на съеденье Витовту, а помоги мне или же возьми город мой за себя: владей лучше ты, а не поганая Литва». Василий обещал помочь, но, пока он собирался, Витовт, узнав об отъезде Юрия в Москву, быстро подошел к Смоленску, причем его доброхоты, которых было много, сдали ему город вместе с княгиней Юрия. Захватив Смоленск, Витовт казнил всех сторонников Юрия среди бояр и посадил своих наместников; горожанам же дал большие льготы, чтобы привлечь их на свою сторону.

Узнав о взятии Смоленска Витовтом, Василий, предпола-

гая, что это было сделано по тайному уговору Юрия и Витовта, сильно рассердился и сказал Юрию: «Приехал ты сюда с обманом, приказав Смоленску сдаться Витовту». После чего Юрий выехал из Москвы в Новгород.

Так захватил Витовт в свои руки Смоленск, древнее наследие Ростиславовичей, овладев им в первый раз путем обмана, а во второй — добыв изменой. Как мы увидим, огромное количество русской крови лилось впоследствии в течение более двух веков у Смоленска, пока он вновь не был окончательно возвращен в состав наших владений.

После неожиданного захвата Витовтом Смоленска Василий Димитриевич не считал уже своевременным вступать из-за него в борьбу с тестем, но когда Витовт вслед за тем стал явно стремиться к овладению Новгородом и Псковом, то Василий Димитриевич двинул свои полки на Литву, и военные действия между зятем и тестем продолжались в течение трех лет, причем за это время из Литвы выехало в Москву много знатных людей, недовольных новыми установившимися там порядками. В числе их был и родной брат Ягайлы, Свидригайло Ольгердович, получивший в удел от Василия Димитриевича город Владимир на Клязьме. За все эти три года русские и литовские войска сильно опустошали неприятельские пограничные области, но до решительного сражения дело не доходило ни разу. Наконец в 1408 году сошлись обе противные рати на реке Угре. Но и тут боя не произошло. Витовт и Василий решили заключить здесь мир, по которому каждый

оставался при своих владениях; мир этот не нарушался до конца их жизни.

Помирившись с Витовтом, Василий Димитриевич затем выдержал нашествие татар, оказавшееся по своим последствиям значительно бедственнее Тамерланова.

Старый князь Едигей после своей победы при Ворскле забрал еще больше силы в Орде и негодовал на московского князя, не славшего ни даров, ни послов. Он сильно рассчитывал, что Витовт нанесет последнему поражение и, с огорчением узнав об их примирении, решил сам выступить против Москвы. Но напасть на нее открыто или вызвать московские войска на бой в чистом поле татары после Куликовской битвы уже не отваживались. Поэтому они решили действовать украдкой. Обманувши великого князя ложной вестью, что хан идет со всеми силами на Витовта, Едигей, подобно Тохтамышу, с большой скрытностью и быстротой устремился на Москву и подошел к ней 30 ноября 1408 года. Василий Димитриевич, вверив ее защиту Владимиру Андреевичу Храброму, отправился в Кострому собирать ополчение и приказал выжечь кругом Москвы все посады. «Зрелище было страшно, – говорит Н.М. Карамзин, – везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию».

Подступив к Москве и окружив ее со всех сторон, Еди-

гей отрядил 30 тысяч татар следом за Василием на Кострому и приказал тверскому князю Ивану Михайловичу, сыну знаменитого соперника Дмитрия Донского, идти со своим пушечным нарядом, или, как теперь говорят, артиллерией, бывшим в то время одним из самых могущественных в целой Европе, на Москву. Но доблестный Иван Михайлович, не желая поднимать руки на своих единокровных братьев, выступив в поход, притворился больным и так и не подошел на помощь Едигею, который распустил свои отряды во все стороны, чтобы жечь и грабить Московское княжество. Татарами были взяты и разорены Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Поганые всюду предавались ужасным неистовствам и брали в плен беззащитных жителей тысячами, так что иногда, по словам летописца, один татарин гнал перед собою человек сорок пленных, связанных на свору, как псов. Москва между тем твердо противостояла Едигею под руководством маститого старца князя Владимира Андреевича, укрепившего стены и вооружившего их пушками и пищальми, то есть тяжелыми ружьями.

Наконец после месячной осады Едигей получил из Орды тревожные вести, что, пользуясь его отсутствием, какой-то царевич хотел занять ханскую столицу. Тогда он, взяв с Москвы выкуп в 3 тысячи рублей, с радостью ему уплаченный, поспешно стал отходить, захватив, впрочем, по дороге Рязань. Достоин замечания, что Едигей поспешно ушел

от стен Москвы 20 декабря, в канун празднования памяти святого митрополита Петра. В жизни города Москвы немало было случаев, где чудесная, таинственная помощь святителя Петра с очевидностью подтверждала и укрепляла глубокую веру в него московского народа. С дороги Едигей написал гневное письмо Василию Димитриевичу, в котором выговаривал ему его гордость и советовал смириться. Но письмо это не подействовало на московского государя, и он возобновил сношения с Ордою лишь в 1412 году, когда отправился в нее с дарами приветствовать нового хана, причем враждебные действия с татарами, кроме обычных разбойнических набегов с их стороны, более не возобновлялись до конца жизни великого князя.

Примирившись в 1408 году на реке Угре с Василием Димитриевичем, Витовт стал деятельно готовиться вместе с Ягайлой, с которым он тоже сблизился после своего поражения на Ворскле, против немецких рыцарей, не перестававших стремиться к захвату пограничных с орденом литовских земель, особенно же Жмудской, или Жемоитской, волости, так как волость эта связывала владения рыцарей Немецкого ордена в Пруссии с владениями Ливонскими в одно целое. Рыцари также усиленно готовились к предстоящей борьбе, и 15 июля 1410 года противники сошлись друг с другом близ деревни Домровно в Пруссии.

Здесь произошла знаменитая битва между славянами и немцами на местности, носившей название Зеленого поля

(также Танненберг или Грюнвальд).

В состав рыцарского воинства, численностью до 100 тысяч человек, входили отряды, собранные со всех областей Германии, а также из Венгрии, Швейцарии, Голландии, Франции и даже Англии. Все эти отряды были превосходно вооружены и обучены ратному делу, причем обладали и многочисленной, но малоподвижной для действий в поле артиллерией.

У Ягайлы и Витовта было тоже не менее 100 тысяч войска из русских, поляков, литовцев, чехов, тохтамышевых татар, моравов и армян. Рать эта делилась на 91 хоругвь (в каждой до 300 человек конницы и около 800–1000 человек пехоты); при этом из 51 польской хоругви 7 состояло целиком из уроженцев русских областей, подпавших под власть Польши, а именно: хоругви львовская, перемышльская, холмская, галицкая и 3 подольских, а в 40 литовских хоругвях только 4 было собственно литовских, остальные же 36 были также чисто русские, набранные из уроженцев русских областей, подвластных Литве. Таким образом, русские составляли большинство в собранной польско-литовской рати. Несмотря, однако, на это, начальниками над всеми чисто русскими хоругвями были исключительно польские и литовские паны, и только тремя доблестными смоленскими хоругвями, покрывшими себя, как увидим, в этот день неувядаемой славой, предводительствовал князь Юрий Лугвениевич Мстиславский, в жилах которого текла русская кровь, так как отец

его князь Лугвений Ольгердович был женат на княжне Марии Дмитриевне Московской, дочери Дмитрия Донского.

У Ягайлы и Витовта были также взяты с собою пушки, отличавшиеся такою же малой подвижностью, как и немецкие, но их было значительно меньше. Польско-литовская рать уступала немецкому воинству в смысле выучки, но зато значительно превосходила его в нравственном отношении, так как в рыцарской среде давно уже были утрачены прежние суровые добродетели Немецкого ордена, и вместо них теперь царили безбожие, пьянство, обжорство, игра в кости и разврат.

Перед столкновением осторожный и нерешительный Ягайло пытался покончить дело мирными переговорами, но надменный великий магистр Немецкого ордена Ульрих фон Юнгинген с презрением отверг их и перед самой битвой послал с целью насмешки два меча Ягайле и Витовту, причем принесший их держал им такое слово: «Пресветлейший король, великий магистр прусский Ульрих прислал тебе два меча: один тебе, другой брату твоему в помощь, чтобы ты не робел, но осмелился драться. Если тебе тесно, то великий магистр уступит тебе место». Ягайло, воздев глаза к небу, ответил, что Бог рассудит, кто прав.

Битва началась стрельбой артиллерии обеих сторон, причем пушкари действовали так неумело, что все снаряды пошли вверх, не причинив никому вреда. После этого пылкий Витовт двинул вперед татар на крестоносцев; Ягайло же рас-

положился поодаль и все время молился, стоя с воздетыми к небу руками. Видя наступление татар, рыцари, закованные в железо, стройно двинулись против них и быстро их опрокинули, татары кинулись бежать. Витовт повел тогда в бой литву и жмудь, но рыцари опрокинули и их. Скоро все поле было усеяно бегущими, которых беспрестанно рубили немцы. Никакие просьбы Витовта остановиться, никакие угрозы, даже удары не помогали.

Спасли честь польско-литовских знамен доблестные русские войска. Три смоленские хоругви, со всех сторон окруженные огромным количеством рыцарского войска, долго и мужественно отбивались, причем одна из них была поголовно истреблена, но не сдалась. Две же другие пробились с большими потерями и вышли на выручку к польским хоругвам, которым приходилось плохо: немцы добирались к королевскому знамени, выпавшему из рук знаменосца; в это же время и сам Ягайло был чуть не убит наскочившим на него смелым рыцарем. Своевременный выход доблестных смолян на помощь полякам, к которым направились затем на поддержку и другие русские хоругви, переменил положение дел на поле сражения.

Скоро славяне со всех сторон окружили крестоносцев и довершили их поражение, радостно восклицая: «Литва возвращается» при виде Витовта, ведущего с собой отряд своих беглецов. Великий магистр Ульрих был ранен два раза и наконец сбит с коня ударом рогатины по шее. Множество ры-

царей падало на колени, моля о пощаде, но некоторые сами убивали друг друга, не желая попасть в руки врагов. Победа была самая полная. Взяты были все 52 немецких знамени, все пушки и весь богатый обоз. Убитых крестоносцев было 18 тысяч человек; раненых до 30 000; пленных до 40 000, а разбежалось около 27 тысяч. Такова была блистательная победа над немцами, одержанная соединенными силами славян, действовавших на Зеленом поле с редким единодушием и взаимной поддержкой, причем львиная доля славы выпала русским хоругвям, особенно же трем смоленским.

«Битва на Зеленом поле была одна из тех битв, – говорит историк С. Соловьев, – которые решают судьбу народов: слава и сила ордена погибли в ней окончательно». Битва эта показала также всему миру, что могут сделать соединенные силы славянских народов. Прусские рыцари могли быть тогда совершенно уничтожены, и только чрезвычайная вялость Ягайлы после сражения дала возможность оправиться ордену и продолжать свое существование в течение еще некоторого времени.

Ближайшим же следствием этой победы было усиление сближения Польши с Литвой, конечно за счет выгод православного населения последней.

В 1413 году было созвано общее собрание, или сейм, для поляков и литовцев в Городле, недалеко от Владимира-Волынского, где было выработано так называемое Городельское соединение, или уния, по которой Польша и Литва со-

единялись в одно государство, с тем, однако, что Литва будет всегда иметь своего особенного великого князя и свое особенное управление. При этом литовское дворянство сравнивалось во всех своих правах с дворянством польским и получало также право присоединяться к польским гербам²; вместе с тем оно могло получать звания и должности подобно польским. Наконец, в Литве, по примеру Польши, устанавливались сеймы, или общие собрания дворян, для решения государственных дел. При этом, однако, всеми означенными преимуществами, или привилегиями, могли пользоваться только католики; православные же, или схизматики (еретики), как их презрительно называло латинское духовенство, никаких прав не получали и никаких высших должностей занимать не могли.

Победа на Зеленом поле очень подняла значение Витовта, поникшее после поражения на Ворскле. У татар же не прекращались взаимные раздоры, и сила их быстро падала. Престарелый Едигей, уступив в конце концов Волжскую, или Золотую, Орду сыновьям Тохтамыша, властвовал сам над ордами, занявшими черноморское побережье. Он вел еще неко-

---

² Дворянские гербы перешли в Польшу из Западной Европы; они означали как бы знамя известного рода; все принадлежавшие к одному гербу считались между собой родственниками и должны были оказывать друг другу поддержку. При этом за известные заслуги лицам безродным разрешалось приписываться к одному из существующих гербов, после чего они входили на равных правах в круг всех лиц, ранее принадлежавших к этому гербу, хотя бы и носили другое наименование или фамилию. Поэтому разрешение литовцам приписываться к польским гербам как бы роднило их со всем польским дворянством.

торое время борьбу с Витовтом и в 1411 году, подойдя к Киеву, ограбил его и разорил все церкви, в том числе и Печерскую лавру. Но затем он отправил к Витовту посольство с богатыми дарами и следующим словом: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах честолюбия застигла нас унылая старость; посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, какими мы друг друга огорчали, развеяны ветрами; пламя войны очистило сердца наши от злобы. Вода угасила пламя». Они заключили мир.

Большой сравнительно мир и тишина наступили вслед за отступлением Едигея от Москвы и для Василия Дмитриевича; отношения его с Ордой были почти все время мирные. Рязань же и Тверь после смерти знаменитых соперников Донского – Олега Рязанского и Михаила Тверского – не могли и думать о борьбе с Москвою и все более и более подчинялись ее влиянию, чему способствовали внутренние усобицы, происходившие в них.

Великий Новгород и Псков также должны были держать княжение Василия Дмитриевича честно и грозно; Новгород, несмотря на постоянную борьбу партий и желание уйти из-под власти Москвы, хотя бы для этого пришлось передаваться Литве, должен был считаться с волею Василия, боясь за свою богатую Двинскую землю. Псков же стал уже постоянно принимать своих князей из рук великого князя Московского, за что Василий Дмитриевич оказывал ему свою

неизменную помощь в борьбе с Ливонским орденом, который участил свои нападения на Псковские владения именно в то самое время, когда соединенная славянская рать разгромила рыцарей Прусского ордена на Зеленом поле. Доблестные псковичи, не встречая в этой борьбе никакой поддержки от своего старшего брата – Новгорода, сами неоднократно смело вторгались в Ливонские владения, и после целого ряда опустошительных походов в 1417 году между ними и немцами был заключен мир по старине, при посредстве посла великого князя Василия, причем в мирном договоре Василий был называем рыцарями «королем Московским и императором Русским».

Со шведами в княжение Василия Дмитриевича было лишь несколько мелких столкновений, причем новгородцы в 1411 году ходили до Выборга и взяли его наружные укрепления, а из Двинской земли в том же году русские молодцы совершили поход на норвежцев, на далекий север – в Лапландию.

При Василии Дмитриевиче произошло несколько важных событий и в нашей церковной жизни. Митрополит Киприан, за свою великую добродетель и праведность причтенный по смерти к лику святых, имел под своею властью все епархии как в Московской, так и в Литовской Руси, причем, пользуясь большим расположением со стороны Василия Дмитриевича, сумел снискать себе в то же время и полное доверие Витовта и Ягайлы.

Преємником Киприана был ученый грек Фотий, также праведной и святой жизни человек. Однако Фотий не обладал всеми дарованиями Киприана; он не умел ладить с Витовтом и никогда не ездил в свои литовские епархии. Хитрый Витовт, давно мечтавший для своих православных подданных о митрополите, независимом от Москвы, с тем чтобы последний был всецело под его влиянием, искусно воспользовался тем, что Фотий не посещает литовских епархий, и стал хлопотать у царьградского патриарха о поставлении особого киевского митрополита для Западной Руси, причем ходатайствовал за своего ставленника, болгарина Григория Цамблака. Указывая на нерадение Фотия и выставляя себя горячим ревнителем православия, Витовт уверял, что хлопочет только для того, чтобы сторонние люди не могли говорить: «Государь Витовт иной веры; он не печется о Киевской церкви».

Тем не менее патриарх не согласился на поставление Цамблака. Тогда Витовт собрал в 1415 году подвластных себе православных епископов в Новогрудек и заставил их поставить Цамблака киевским митрополитом. Так этим самовластным поставлением Цамблака разделилась надвое бывшая до сих пор единая Русская митрополия, издревле объединявшая своим благотворным влиянием всех православных обитателей Русской земли.

Конечно, следствия этого разделения не замедлили сказаться. Витовт тотчас же послал Цамблака с литовскими па-

нами в Швейцарию на происходивший там под председательством папы известный Констанцкий собор, чтобы хлопотать об унии или присоединении греческой веры к латинской, но Цамблак прибыл, когда уже собор кончался, и успеха в своем посольстве не имел.

В 1419 году после смерти Цамблака Витовт помирился с Фотием и опять подчинил ему свои епархии, но пример разделения митрополии оставил по себе сильный след и, как увидим, повел впоследствии к окончательному ее распадению на восточную, или Московскую, и западную, или Киевскую.

Что касается Северо-Восточной Руси, то там дело святого Сергия Радонежского и его учеников усердно продолжали многие святые подвижники, проповедуя православную веру и насаждая иноческое житие, особенно на востоке и на севере нашего Отечества.

К концу XIV века корелы, обитатели берегов Ладожского озера, исповедовали уже православную веру благодаря трудам преподобных Сергия и Германа, первоначальных основателей Валаамской обители. Спустя некоторое время преподобный Арсений положил начало монастырю на острове Коневец. Дикая чудь в стране Каргопольской имела своим благовестником преподобного Кирилла Челмгорского, а обитатели Крайнего Севера – лопари и мурманская чудь – слышали евангельскую проповедь от великого подвижника и чудотворца Саввы Лазаря.

В конце XIV века жили в Новгороде, раздираемом постоянными усобицами, двое угодников Божиих, подвизавшиеся в юродстве, блаженные Феодор и Николай Кочанов. Соблюдая строго пост и чистоту, не имея нигде постоянного жилья, они бегали босые и полунагие в жестокие морозы по улицам, терпеливо снося поношения, а иногда и побои. Блаженный Николай юродствовал всегда на Софийской стороне, а Феодор – на Торговой. Оба они вполне понимали друг друга, но показывали вид непримиримой вражды, обличая тем постоянную распрю двух сторон великого города.

Ревностно занимаясь государственными делами, великий князь Василий Димитриевич заботливо относился также к возведению новых церквей в своей столице и к украшению уже существующих. Он построил в Кремле церковь Благовещения, где стали совершаться крестины и бракосочетания членов великокняжеской семьи. Сюда же он перенес найденную заделанной в стене Суздальского собора святыню: страсти Господни, именно – часть крови Спасителя, камень от гроба Его и терновый венец.

Расцвело при Василии Димитриевиче и русское иконописное искусство, заведенное в Москве собственной рукой святого Петра-митрополита. Лучшие образы знаменитого иконописца Троицкой лавры Андрея Рублева написаны им именно во время великого княжения Василия, причем Рублев в 1405 году расписал своими дивными иконами новопостроенный Благовещенский собор.

За храмом Благовещения, на башне великокняжеского дворца Василий Димитриевич устроил в 1404 году первые в России часы с боем, которые за 150 рублей (около 30 фунтов серебра) поставил пришедший с Афона сербин Лазарь. На часах был сделан искусственный человек, выбивавший молотком каждый час. Летописец так говорит об этих часах: «Сей же часник наречется часомерье: на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя, и рассчитал часы ночные и денные, не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно».

Во времена Василия стали развиваться в Москве также ремесла литейное и чеканное и искусство делать украшения из дорогих металлов, камней и жемчуга. Особенно славился в последнем искусстве сам великий князь; в своем завещании он упоминает о золотом поясе с кошельком, лично им скованном. До нас дошло чрезвычайно любопытное современное изображение великого князя Василия Димитриевича с супругой; оно вышито шелками на саккосе митрополита Фотия, хранящемся в московской патриаршей ризнице.

Рядом с этим изображением вышиты также шелком греческий император Иоанн Палеолог и его супруга императрица Анна, дочь Василия Димитриевича и Софьи Витовтовны, выданная замуж в 1414 году за царя Иоанна, отцу которого задолго до этого брака московский великий князь широко приходил на помощь деньгами в его борьбе с турками.

Василий Димитриевич скончался 27 февраля 1425 года среди общего уныния и слез, во время страшного мора, свирепствовавшего по всей Русской земле.

Следуя в течение своего 36-летнего великого княжения высоким заветам предков – собирать Русскую землю, он, как мы видели, достиг весьма многого; а именно: примыслил княжество Нижегородское и другие богатые волости на берегах Оки и Волги, подчинил своему влиянию Тверь, Рязань и Псков, заставил новгородцев держать свое великое княжение честно и грозно, остановил дальнейшие стремления Литвы к овладению русскими землями к востоку от Смоленска и, когда было необходимо, брался за оружие против татар.

Но отец Василия, незабвенный герой Куликовской битвы, завещал и новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну, порядок, столь необходимый для возрождения могущества нашей Родины. Следуя этому новому порядку, Василий Димитриевич также завещал столы Московский и Владимирский сыну своему Василию II, оставшемуся после смерти отца 10-летним мальчиком.

Конечно, уже ни тверской, ни рязанский князья не могли и думать оспаривать старший великокняжеский стол у юного московского князя. Но зато тотчас же после смерти Василия Димитриевича вспыхнула смута в среде самих московских князей; она была первой и последней в потомстве Иоанна

Калиты, но ознаменовалась жестокой борьбой и кровопролитием.

Дело заключалось в том, что у Василия Димитриевича оставались братья, из которых старший, Юрий Димитриевич Звенигородский, по всем обычаям старины имел неоспоримое право на великокняжеский престол, а потому не хотел согласиться на передачу его своему 10-летнему племяннику, отказываясь вместе с тем признавать, что согласно воле отца его, Дмитрия Донского, в Московском княжестве должен был утвердиться новый порядок престолонаследия от отца к сыну. При этом Юрий ссылался на духовную Донского, в которой последний, завещая великое княжение своему юному сыну Василию Димитриевичу, еще не успевшему вступить в брак, писал: «А отнимет Бог сына моего старейшего Василия, а кто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему стол Васильев, великое княжение». Ясно, что Дмитрий Иоаннович Донской писал это на тот случай, если Василий Димитриевич умрет бездетным. Но Юрий криво толковал в свою пользу это завещание и, когда умер старший брат, не хотел признавать его сына, малолетнего Василия Васильевича, преемником на великом княжении Московском.

В ту же ночь, как умер Василий, митрополит Фотий послал за Юрием звать его в Москву присягать новому великому князю. Юрий отказался; однако, боясь принуждения, он не хотел даже оставаться поблизости от Москвы и бежал в отдаленный Галич, где стал собирать войска. Но московские

бояре, посадив на коня своего маленького великого князя, сейчас же пошли на Юрия; тогда последний, видя, что сочувствие земли не на его стороне, запросил перемирия на год. По совету матери Василия Васильевича, дядей и даже деда – Витовта Литовского – митрополит Фотий отправился в Галич уговаривать Юрия к вечному миру. Но, несмотря на все усилия митрополита, Юрий не соглашался на вечный мир, и Фотий, разгневавшись, выехал обратно в Москву. Между тем тотчас же после его отъезда в Галиче открылся сильный мор. Тогда Юрий испугался; он вернул митрополита, после чего мор сразу же стих, и послал двух своих бояр для переговоров в Москву, где они и заключили мир на том условии, что вопрос, быть ли дяде или племяннику великим князем, должен решить хан Золотой Орды, для чего оба они отправятся к нему.

Поездка эта по разным причинам состоялась только в 1432 году, то есть через семь лет, после смерти святителя Фотия, которая развязала руки всем враждам и крамолам, сдерживаемым при его жизни.

В Орде ловким и красноречивым защитником прав Василия явился хитрый и изворотливый московский боярин Иван Димитриевич Всеволожский. На ханском суде Юрий доказывал свои права на основании старых порядков и приводил в свидетельство летописи и криво толкуемое им завещание Донского. Боярин же Всеволожский обошел хана, польстив ему, что Юрий ищет великого княжения и доказыва-

ет на него свои права, а московский князь Василий всецело уповаает на ханскую милость, благодаря которой княжил его отец и он сам княжит уже семь лет. Эта лесть подействовала: хан дал ярлык Василию и даже хотел, чтобы дядя Юрий в знак подчинения вел бы коня под племянником, но Василий не желал напрасно унижать дядю и отказался от этого; боярину же Всеволожскому за оказанную услугу он обещал жениться на его дочери.

Однако по возвращении в Москву великий князь по настоянию своей матери Софьи Витовтовны, которая никак не соглашалась на этот брак, женился на другой, на внучке Владимира Андреевича Храброго – княжне Марии Ярославне. Тогда боярин Всеволожский, до глубины души оскорбленный этим, отъехал к Юрию в Галич. Вскоре затем на свадьбе великого князя Софья Витовтовна нанесла сильнейшую обиду и детям Юрия – Василию Косому и Димитрию Шемяке, снявши при всех с первого из них золотой пояс. Об этом поясе один из старых бояр рассказал ей, что он был уворован еще у деда великого князя, у Димитрия Донского, и, перейдя через несколько рук, попал к Василию Косому. Эта боярская сплетня и нанесенная Косому обида страшно возбудила Юрия и его сыновей против Василия и дала повод к новой неслыханной и жестокой усобице, которая тотчас же поднялась.

Скоро Василий Московский был наголову разбит дядей и захвачен им в плен (в апреле 1433 года), после чего Юрий

въехал в Москву победителем, отпустив, по совету своего старого боярина Морозова, Василия с почетом и давши ему в удел Коломну.

Но едва Василий приехал в Коломну, как к нему со всех сторон стали стекаться князья, бояре, воеводы и слуги, отказываясь от службы Юрию. Этим, конечно, все население ясно показывало, к чему клонятся его стремления и привязанности и насколько всем дорог законный государь, хотя временно и попавший в беду. Юрий же увидел себя в Москве оставленным почти всеми. Тогда его два старших сына – Василий Косой и Димитрий Шемяка, люди коварные и жестокие, с душою злодеев, а не князей, – убили в сердцах боярина Морозова, уговорившего отца выпустить Василия, затем, опасаясь отцовского гнева, они бежали из Москвы. Юрий же послал звать Василия обратно приехать на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только шестью всадниками. Въезд Василия в Москву представлял необыкновенно трогательное зрелище: вся дорога из Коломны до Москвы превратилась как бы в сплошную улицу многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за Василием, «как пчелы за маткой».

Затем Юрий заключил с Василием договор, по которому признавал его старшим братом и отказывался за себя и за своего младшего сына, кроткого Димитрия Красного, принимать Косого и Шемяку.

Скоро, однако, договор этот был нарушен Юрием же. Он

простил своих старших сыновей, как только они успели разбить московское войско близ Костромы, и вместе с ними двинулся с большою силою на великого князя Василия. Последний встретил их в Ростовской области и опять потерпел сильнейшее поражение. Тогда Юрий снова занял Москву. Василий Васильевич вынужден был уйти сперва в Новгород, а потом и в Нижний, откуда хотел отправиться даже в Орду, но узнал о смерти в Москве дяди Юрия. Смерть эта была совершенно неожиданна и, конечно, всех чрезвычайно смутила.

Пользуясь этим смущением, старший сын Юрия, Василий Косой, поспешил сам, уже без всяких прав, сесть на освободившийся за смертью отца Московский великокняжеский стол. Однако этого не захотели его родные братья Димитрий Шемяка и Димитрий Красный и сами призвали Василия Васильевича занять Москву, получив за это от него богатые уделы. Изгнанному же ими из столицы Василию Косому не оставалось ничего другого, как прибегнуть к самым отчаянным средствам, что он и поспешил сделать.

Успев собрать войско в Костроме, Косой встретился в 1435 году с великим князем Василием в Ярославской волости, где был разбит наголову; тогда он запросил мира, на что великий князь согласился, причем дал Косому в удел город Дмитров. Прожив спокойно только один месяц в Дмитрове, Косой опять начал усобицу, при этом, не будучи в состоянии овладеть великокняжеской крепостью Гledenом в Устюж-

ской волости, он взял ее обманом и бессовестным образом убил московского воеводу князя Оболенского, а также перевешал многих устюжан. Затем Косой встретился с великим князем Василием в Ростовской области и хотел захватить его тоже обманом, заключив перемирие. Но Василий Васильевич вовремя спохватился, причем Косой сам был взят в плен и отвезен в Москву. Вслед за тем пришло известие о разбойном захвате сторонниками Косого – вятчанами – воевод великого князя. Тогда по приговору московских бояр решено было наказать Косого так, чтобы он не мог больше вредить, и его ослепили. Решившись на эту меру, обычную в Греции, но совершенно не в духе русских людей, советники великого князя понимали, конечно, какой грех они берут на свою душу; но вместе с тем они также отлично понимали, что за человек был Косой и что если он случайно одержит верх, то не помилует Василия Васильевича, а вместе с тем погубит и все дело московских князей, вновь предав Русскую землю всем ужасам безначалия и крамолы, и поставит ее на край гибели.

По ослеплении Косого московская междукняжеская усобица прекратилась, так как Дмитрий Шемяка был в союзе с великим князем и держал себя осторожно, выжидая, однако, в глубине души удобного случая, чтобы подняться на него.

Этот удобный случай предоставили через несколько лет татары.

Золотая Орда, теряя все больше и больше свою силу от внутренних усобиц, продолжала тем не менее приносить

немало бед Русской земле. Беспокойные татарские цареви-
чи постоянно появлялись в наших пограничных областях,
и редкий год не отмечен в летописи их хищными набега-
ми. С целью противодействовать этим набегам Василий Ва-
сильевич искусно пользовался раздорами между татарскими
князьками и по примеру отца Владимира Мономаха – Все-
волода – старался наиболее из них преданных селить в по-
граничных областях, где они служили в виде первой охраны
при набегам других враждебных нам татар. Одному из таких
служилых царевичей, Касиму, был пожалован Мещёрский
городок на левом берегу Оки; он дал начало подвластному
нам Касимовскому ханству, которое впоследствии сослужи-
ло нам немалую службу.

Самым беспокойным из враждебных нам татарских царе-
вичей в эти времена был Улу-Магомет. Он засел в Казани,
опустошенной в 1392 году новгородцами за разгром татара-
ми Вятки, укрепил и заселил ее и тем положил прочное на-
чало новому разбойничьему гнезду – Казанскому царству,
откуда уже в 1439 году Улу-Магомет нечаянно явился под
Москвой, стоял под ней 10 дней и, погубив множество наро-
да, безнаказанно ушел назад, так как Василий Васильевич не
успел собрать войска.

Другим постоянным врагом русских был татарский сул-
тан Мустафа. Зимой 1444 года Василий Васильевич выслал
против него князя Василия Оболенского и Андрея Голтыева,
и наши войска, совершив поход на лыжах, наголову разбили

татар, причем Мустафа был убит. Сам же великий князь в ту же зиму изгнал Улу-Магомета из Нижнего Новгорода и уничтожил несколько из его отрядов.

За это в 1445 году Улу-Магомету удалось жестоко отплатить Василию Васильевичу. Он неожиданно напал на великого князя на реке Нерли, где тот стоял всего с 1500 человек.

Василий Васильевич смело двинулся во главе своей маленькой рати на врагов и, сражаясь впереди всех, по древнему обычаю предков, обратил татар в бегство, но затем они оправились, собрались опять и задавили совершенно русских своими огромными силами. Великий князь дрался как лев, ему прострелили руку и отрубили несколько пальцев; 13 ран зияло на голове, плечи и грудь были синие от ударов, бешено сыпавшихся на него со всех сторон; наконец он изнемог и был захвачен татарами в плен. Они сняли с него нательные кресты и в знак своей победы отправили их в Москву супруге и матери Василия.

Вся столица затрепетала от этой неожиданности. Жители окрестных селений и посадов в ужасе сбегались в нее, ожидая ежечасно нашествия татар, и огромное их количество столпилось в Кремле. Скоро новое бедствие постигло Москву – ночью вспыхнул жестокий пожар. В Кремле не осталось ни одного деревянного здания, стены многих каменных церквей упали, сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имения.

При этих бедственных обстоятельствах Шемяка, конеч-

но, торжествовал. Он поспешил предложить Улу-Магомету заключить с ним условие – держать Василия Васильевича в вечном заточении у татар, а самому сесть великим князем в Москве, под рукою казанского царя. Однако Улу-Магомет предпочел выпустить Василия Московского из плена, удовольствовавшись значительным выкупом (по-видимому, 25 тысяч рублей).

В тот самый день, когда Улу-Магомет отпускал от себя Василия, 1 октября 1445 года, в Москве произошло весьма сильное землетрясение, необычное для северных стран: колебались Кремль и посады, дома и церкви. Все считали это предзнаменованием каких-либо ужасных событий, поэтому когда пришла весть, что великий князь отпущен из плена, то жителей Москвы охватила необычайная радость и он был встречен ими еще радушнее и торжественнее, чем при возвращении своем из Коломны.

Однако Шемяка продолжал свои козни. Он вступил в тайную связь с князьями Иваном Можайским и Борисом Тверским, а также с некоторыми московскими изменниками, во главе которых стоял боярин Старков, и усердно распускал слух, что Василий выпущен из плена на условии, что Улу-Магомет сам сядет на царство в Москве и на всех городах, а Василию в удел отдана будет Тверь. Этой выдумкой Шемяка хотел уверить всех остальных владетельных князей, что они лишатся своих отчин, а потому и должны подняться на Василия Московского.

Между тем последний, ничего не ведая об этом заговоре, отправился на богомолье в Троице-Сергиеву обитель в начале февраля 1446 года. Пользуясь его отсутствием в Москве, в ночь на 12 февраля Шемяка неожиданно овладел стольным городом, причем захватил мать и жену Василия Васильевича, оковал верных ему бояр, ограбил казну и в ту же ночь послал князя Можайского с большою толпою людей к Троице-Сергиевскому монастырю, чтобы пленить и великого князя.

Василий стоял у обедни, когда его приближенные сообщили, что Шемяка и можайский князь идут на него с ратью. Он не поверил и с негодованием заявил, что это гнусная клевета на Шемяку. Но ему скоро пришлось воочию убедиться в печальной новости при виде скачущих к монастырю во всю прыть неприятелей. Василий кинулся к конюшне, но здесь не было ни одной оседланной лошади, а все люди его оторопели от страха. Тогда он заперся в Троицкой церкви. К ней не замедлили подскочить его враги и, несмотря на то что великий князь встретил их с иконой с гроба преподобного Сергия и с горячей молитвой на устах, они грубо взяли его за плечи, связали и, посадив в сани, повезли в Москву.

Злодеи перехватывали также великокняжеских бояр, но о двух малых сыновьях Василия, Иоанне и Юрии, они впопыхах забыли. Эти двое детей убежали следующей ночью с верным слугою к князю Ивану Ряполовскому в его село, откуда

он, взявши всех людей и своих братьев, Семена и Димитрия, ушел в Муром, где заперся.

Между тем пленного великого князя ослепили в Москве и сослали в Углич с женою; мать же, Софью Витовтовну, отослали в Чухлому.

Брат жены великого князя – князь Василий Ярославович Серпуховский – вместе с князем Семеном Оболенским бежали в Литву, где их приняли с честью и дали богатые волости для кормления. Часть бояр Василия убежала в Тверь, другая же присягнула Шемяке, но один из них, доблестный Феодор Басенок, смело объявил, что не будет служить варвару и хищнику, вокняжившемуся в Москве. Шемяка велел его заковать в железо, но Басенок сумел бежать в Литву и соединиться с Василием Ярославовичем Серпуховским и Семеном Оболенским.

Скоро Шемяка должен был убедиться, что все благомыслящее население против него. Опасаясь всеобщего негодования, он не дерзнул послать войска против 6-летнего сына Василия Иоанна и его младшего брата Юрия, находившихся в Муроме с Рязанскими, а хотел заманить их в свои руки путем коварства. Для этого он призвал всеми уважаемого рязанского епископа Иону и сказал ему: «Поезжай в Муром, свою епископию, и возьми на свою епитрахиль детей великого князя Василия, а я с радостью их пожалую, отца выпущу и вотчину дам достаточную». Владыка поверил этому и отправился в Муром. Здесь князья Рязанские после крат-

кой думы решили исполнить волю Шемяки, так как они опасались, что иначе он возьмет город приступом. Тогда Иона пошел в церковь, отслужил молебен Богородице, взял детей и привез их Шемяке. Но Шемяка его обманул. Он ласково принял малюток, угостил их обедом, а затем отправил в Углич в заточение вместе с отцом.

Однако у Василия Васильевича осталось, несмотря на свое ослепление и заточение, много верных и преданных слуг. Во главе с доблестным Ряполовским и князем Иваном Стригою-Оболенским они составили заговор, в котором участвовало много детей боярских, причем сговорились сойтись в Угличе в Петров день, чтобы освободить своего природного государя. Хотя освобождение это не удалось, так как Шемяка заблаговременно проведал про их замыслы, но вместе с тем последний испугался этого всеобщего движения в пользу заточенного им Василия и стал думать, что ему делать с ним дальше.

Громче всех против Шемяки говорил Иона, исполнявший в это время обязанности митрополита. Он прямо укорял Шемяку в коварстве и лжи и настойчиво требовал освобождения Василия.

Наконец, видя, что весь народ на стороне несчастного слепца, заточенного в Угличе, Шемяка решил в 1446 году с ним примириться и посадил Василия с семьей на удел в Вологду, что, конечно, было тоже родом заточения, взявши с него клятвенную запись, или так называвшуюся тогда про-

клятую грамоту, не искать великого княжения. Но, как только Василий прибыл в Вологду, тотчас же его приверженцы кинулись к нему со всех сторон. Вскоре он поехал помолиться в Кирилло-Белозерский монастырь. Игумен этого монастыря Трифон от своего имени и всех старцев прямо объявил Василию, что долг его, завещанный предками и святым чудотворцем Петром, идти искать великого княжения Московского для пользы Русской земли. Что же касается до проклятой грамоты, данной Шемяке, то она, будучи вынужденной, не есть законная, при этом он добавил: «Да будет грех клятвопреступления на мне и на моей братии! Иди с Богом и правдою на свою отчину, а мы, государь, за тебя будем молить Бога».

Успокоенный насчет проклятой грамоты и усиленный ежедневно прибывавшим к нему множеством людей, Василий двинулся из Вологды к Твери, где князь Борис Александрович обещал помочь ему с условием, чтобы Василий женил своего старшего сына, 7-летнего Иоанна, на его дочери Марии. Торжественное обручение двух малюток состоялось тотчас же, а затем тверские полки усилили Васильевы.

По мере приближения войск великого князя к Москве Шемяка все более и более терял своих доброхотов. Между тем князь Василий Ярославович Серпуховский, князь Семен Оболенский, Феодор Басенок и другие московские люди, ушедшие в Литву, еще не зная об освобождении вели-

кого князя, решили со своей стороны двинуться ему на помощь. В смоленских местах, у города Ельни, они встретили татар с двумя царевичами. Завязалась перестрелка. Кто-то с татарской стороны крикнул: «Что вы за люди, куда идете?» – «Мы москвичи, – отвечали русские, – идем искать своего государя, великого князя Василия. А вы что за народ?» – «А мы, – отвечали татары, – слышали, что великий князь Василий обижен братьями, идем его искать за давнее добро и за его хлеб, что много добра нам сделал». Случай этот очень ярко рисует нам тогдашнее народное настроение: со всех сторон собирались полки помогать Москве за ее старое добро.

Крамола Шемяки быстро теряла почву и скоро совсем была разрушена общенародным движением в пользу Василия, на защиту законного порядка. Действительно, положение Шемяки в Москве было самое незавидное. Окруженный людьми подозрительной верности и самой сомнительной нравственности, он, разумеется, должен был им уступать, мирволить; те пользовались этим, грабили и обирали граждан, которые обращались к княжескому суду Шемяки и не находили в нем правды. «От сего времени, – говорит летописец, – в Великой Руси про всякого судью грабителя и насильника говорили с укоризною, что это судья Шемяка, что его суд – шемякин суд».

Наконец, видя себя оставленным всеми, Шемяка запросил у великого князя мира, который тот дал как ему, так и союзнику Шемяки, князю Ивану Можайскому, взяв с обоих

клятвенные записи в верности. Затем Василий торжественно въехал в Москву.

Возвращением его, разумеется, все были довольны, кроме Шемяки. Он очень скоро нарушил свою клятвенную запись и стал вновь строить козни против Василия. Тогда последний отдал рассмотрение этого дела на суд духовенству. Достойные русские пастыри во главе с митрополитом Ионою, человеком великой души и святой жизни, так же беспрдельно преданным Русской земле, как и его предшественники, святые митрополиты Петр и Алексий, отправили к Шемяке грозное послание, укоряя его в нарушении установившегося нового порядка престолонаследования и в отсутствии любви к Родине.

Однако Шемяка не послушался увещаний духовенства, и великий князь должен был выступить против него в 1448 году в поход, после чего Шемяка опять дал на себя проклятую грамоту и опять нарушил ее в следующем же, 1449 году, неожиданно осадив Кострому, где сидел доблестный князь Иван Стрига-Оболенский с Феодором Басенком. Слепой великий князь вновь выступил против Шемяки с войсками, при которых находились также митрополит и епископы. Шемяка смирился опять, написал проклятую грамоту и опять ее нарушил в 1450 году, успев собрать войско против Василия Васильевича. Но ему нанес страшное поражение великокняжеский воевода, князь Василий Оболенский. Тогда Шемяка бежал в Новгород, где ему оказали приют; из Новгорода он

кинулся в Устюг и страшно злодействовал над теми, кто не желал ему присягнуть; оттуда, преследуемый великокняжескими войсками, он бежал опять в Новгород, где, наконец, в 1453 году умер, говорят, от яду. Известие о его смерти было встречено с великой радостью как в Москве, так и по всей земле.

«Шемякина смута, — говорит И.Е. Забелин, — послужила не только испытанием для сложившейся уже крепко вокруг Москвы народной тверди, но была главной причиной, почему народное сознание вдруг быстро потянулось к созданию московского единодержавия и самодержавия. Необузданное самоуправство властолюбцев и корыстолюбцев, которые с особой силой всегда поднимаются во время усобиц и крамол, лучше других способов научило народ дорожить единством власти, уже много раз испытанной в своих качествах на пользу земской тишины и порядка. Василий Темный, человек смирный и добрый, который все случившиеся бедствия больше всего приписывал своим грехам, всегда уступчивый и вообще слабовольный, по окончании смуты, когда все пришло в порядок и успокоилось, стал по-прежнему не только великим князем или старейшиной в князьях, но, помимо своей воли, получил значение государя, т. е. властелина земли, земледержца, как тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на землю великими крамолами, разорениями и убийствами, как причина великого земского беспорядка перенесла народные умы к желанию установить по-

рядок строгою и грозною властью, вследствие чего личность великого князя, униженная, оскорбленная и даже ослепленная во время смуты, тотчас после того восстанавливает свой государственный облик, и в еще большей силе и величии».

Еще при жизни Шемяки, чтобы после своей смерти отбить всякий повод к смуте по вопросу о престолонаследии, Василий Темный, как его стали звать после ослепления, назначил в 1449 году своим соправителем старшего своего сына и наследника, 10-летнего Иоанна, который с тех пор стал тоже носить звание великого князя.

Маленький Иоанн Васильевич, проведя свое детство в самый разгар шемякинской смуты, смолоду должен был испытать много бедствий и насилий, много страха и ужаса, хотя всегда находился в большом бережении у преданных его отцу боярских детей. Он воспитывался в превратностях судьбы, в земском беспорядке и, конечно, вынес недоброе чувство против всех тогдашних тревог и крамол. Эти чувства разделялись, как мы видели, в те времена и всеми русскими людьми, и в народных сердцах закрепилось стремление истребить насилие, мятеж, смуту и крамолу в самом корне. «Власть великого князя получает новые силы, и его самодержавие повсюду оправдывается как единое спасение от земских неурядиц. Послушание и повиновение со стороны земства сознается как неизбежное требование восстанавливаемого порядка. Молодой Иоанн Васильевич продолжает свое воспитание именно в развитии этих новых отношений зем-

ства», – говорит И.Е. Забелин.

После смуты Шемяки Василий Темный, как и следовало ожидать, пошел на его союзника, вероломного князя Ивана Андреевича Можайского, который, не сопротивляясь, победил в Литву. Можайск же был присоединен к Москве. Затем по поводу какой-то крамолы, «вероятно, немаловажной», примечает И.Е. Забелин, был схвачен и заточен в Угличе князь Василий Ярославович Серпуховский, бывший одним из самых видных деятелей против Шемяки. Удел его тоже перешел к великому князю. Это случилось в 1462 году. Таким образом, к этому времени из всех уделов Московского и Суздальского княжеств остался только один – князя Михаила Андреевича Вереysкого, двоюродного брата Василия Темного, так как уделы Шемяки и Василия Косого были присоединены еще раньше, равно как и удел их младшего брата Дмитрия Красного, скончавшегося в 1440 году.

Смерть его сопровождалась необыкновенными обстоятельствами: он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Тайн и долго не мог, так как кровь, не переставая, лила у него из носа. Тогда ему заткнули ноздри, чтобы дать причаститься. Вскоре после этого он заснул, и все признали его мертвым; положили в гроб и стали читать над ним Псалтырь. Вдруг, к общему ужасу, мнимый мертвец скинул с себя покров и начал петь стихиру, не открывая глаз. Целых три дня Дмитрий Красный пел и говорил о душеспасительных предметах, наконец действительно умер с

именем святого.

Великий Новгород во время Шемяки неоднократно оказывал последнему покровительство, причем держал его у себя до самой смерти. Поэтому, управившись с можайским князем, Василий двинулся в 1456 году и против Новгорода, чтобы наказать его за неисправление. С ним вместе шли все князья и воеводы со множеством войска. Новгородцы испугались и выслали посадника с челобитьем – переменить гнев на милость. Но Василий этого челобитья не принял и шел дальше. Остановившись в Яжелбицах, великий князь выслал к Руссе князя Ивана Стригу-Оболенского и Феодора Басенка.

Захватив в этом городе богатую добычу, воеводы отпустили главную рать назад, а сами поотстали с немногими боярскими детьми. Вдруг перед ними неожиданно показалось 5-тысячное новгородское войско. Храбрые москвичи, которых не было и 200 человек, решили, что лучше всем погибнуть в честном бою, нежели бежать. «Если не пойдем против них биться, – говорили эти доблестные люди, – то погибнем от своего государя, великого князя; лучше помереть». При этом, видя на новгородцах крепкие доспехи, они стали стрелять по их лошадям, которые начали беситься от ран и сбивать своих всадников. И вот 200 московских людей одержали решительную победу над 5 тысячами новгородцев и взяли в плен их посадника. Поражение это, конечно, ясно показывало, насколько новгородцы уже утратили свою прежнюю

доблесть и как самоотверженно храбры и стойки были в это время московские войска. Вслед за этим успехом к великому князю в Яжелбицы прибыл из Новгорода владыка Евфимий и стал усиленно просить мира. Василий Темный согласился на него, но взял 10 тысяч рублей выкупа и, кроме того, поставил условием, чтобы впредь вечевым грамотам не быть, а печати быть великих князей Московских. Кроме того, Новгород обязался без спора платить «черный бор» по требованию великого князя и не давать пристанища его врагам. Этими условиями, конечно, наносился сильнейший удар самостоятельности вольного города, поэтому понятно, что Яжелбицкий договор возбудил во многих новгородцах страшную злобу против великого князя. Когда он приехал в 1460 году в Новгород с двумя младшими сыновьями, то граждане задумали его убить с детьми и верным слугою Феодором Басенком. Новгородский владыка насилу успел отговорить их от этого замысла.

После Новгорода Василием была приведена в порядок и Вятка, населенная новгородскими выходцами, за то, что она всегда стояла на стороне московских врагов и постоянно воевала с великокняжеским городом Устюгом.

Иначе сложились у великого князя отношения со Псковом. Псковичи всегда помнили, что Москва их верный союзник против немецкого засилья. В 1460 году они отправили Василию знатных послов с подарками и били ему челом, чтобы он жаловал свою отчину и печаловался о ней. «Обижены

мы от поганых немцев, — говорили послы, — водою, землею и головами; церкви Божии пожжены погаными на миру и на крестном целовании». На это великий князь обещал оборонять Псков от немцев, так дельвали отцы его и деды, и вскоре послал к ним наместником сына своего Юрия.

Княжества Тверское и Рязанское во время Шемякиной смуты постоянно колебались между Москвой и Литвою, но затем, как мы видели, тверской князь Борис примкнул к Василию, сосватав свою дочь за его старшего сына, 7-летнего Иоанна. Рязанский князь Иван Феодорович, видя, что Москва берет верх над Шемякой, тоже примкнул к ней и, умирая в 1456 году, отдал своего 8-летнего сына на руки великому князю Василию. Последний перевез малютку к себе в Москву, а в Рязань и другие города княжества послал своих наместников.

Так быстрыми шагами шло возвышение Москвы и объединение вокруг нее Северо-Восточной Руси в последние годы великого княжения Василия Темного.

Слепой великий князь до конца своей жизни сохранил большую живость нрава, веселое расположение духа и страсть принимать личное участие в воинских походах, которых ему пришлось совершить немало как в борьбе со смутой, так и действуя против татар, не перестававших нападать на наши владения. Кроме набегов Улу-Магомета, в 1449 году неожиданно появился на берегах реки Пахры сильный татарский отряд, причинивший много беды православному люду,

но затем он был наголову разбит нашим служилым царевичем Касимом, а в 1451 году к самой Москве подошел из-за Волги татарский царевич Мазовша. Укрепив город и оставив в нем мать, жену и митрополита Иону, Василий отправился вместе со старшим сыном Иоанном, 12-летним мальчиком, в Вологду собирать войска.

Мазовша подошел к Москве 2 июля и зажег все посады. Время было сухое, и пожар распространился с необыкновенной быстротой, из-за дыма ничего нельзя было видеть, но все приступы были мужественно отбиты. Когда же москвичи на другой день проснулись, то увидели, что татары уже исчезли: они быстро побежали, побросав захваченные тяжелые товары. Народ прозвал набег Мазовши «скорою татарщиной».

В 1454 году татары пытались опять быстро подойти к Москве, но были разбиты великокняжескими войсками. В 1459 году они вновь собрались на Москву, но на берегах реки Оки им нанес жестокое поражение наследник престола – великий князь Иоанн Васильевич.

В 1460 году хан Золотой Орды Ахмат подошел к Переяславлю-Рязанскому, однако скоро должен был отступить с большим стыдом. Наконец, в 1461 году великий князь объявил войну Казани, но к нему явились от казанского хана послы, и он заключил с ними мир.

Во времена Василия Темного, кроме царства Казанского, окончательно образовалось из черноморских улусов и ханство Крымское, где стал царствовать род Гиреев. Это было

новое грозное разбойничье гнездо, причинившее впоследствии немало бед Русской земле, первоначально же направившее свои хищные набеги главным образом на Литву.

Со стороны Литвы за все время великого княжения Василия, несмотря на тяжелое время шемакинской смуты, не было враждебных действий по отношению к Москве.

Причинами этому были те сложные и подчас тяжелые обстоятельства, которые в это время переживало само Великое княжество Литовское. Мы видели, что Ягайлой и Витовтом была подписана так называемая Городельская уния, по которой все литовские паны, принявшие латинство, были сравнены в правах с польскими. Они плотным кольцом окружили Витовта и составили его думу, или раду, а также имели важнейшее значение на общих съездах, или сеймах. Вместе с этим Витовт стал сажать исключительно католиков своими наместниками и в чисто русских областях Литовского княжества. Кроме того, латинские епископы – виленский, луцкий, брестский, жмудский и киевский – получили важное значение при решении всех государственных дел. Все это, конечно, не могло не повлечь за собой сильного недовольства всех русских подданных Витовта, но он мало обращал на это внимания, будучи всецело занят осуществлением своих честолюбивых мечтаний, несмотря на то что был стар и не имел сыновей.

Он стал замышлять не только совершенно уничтожить за-

висимость Литвы от Польши, но еще и подчинить себе последнюю. Для этого он начал уверять, что дети Ягайлы от его четвертой жены происходят на самом деле от другого отца, а потому после его смерти, согласно договору, заключенному между ними ранее рождения этих детей, он, Витовт, и наследует польскую корону. Но этот оговор не удался 80-летнему честолюбцу, тогда он стал хлопотать о королевском венце для себя лично и просил об этом немецкого императора Сигизмунда, обещая ему ратную помощь в борьбе последнего с турками. Сигизмунд охотно согласился дать могущественному литовскому великому князю королевский венец и для переговоров об этом деле сам прибыл в 1429 году в город Луцк, где Витовт устроил блестящий съезд различных государей.

Сюда, кроме Сигизмунда, приехали молодой внук Витовта – великий князь Московский Василий Васильевич, престарелый Ягайло, князья Тверской и Рязанский, хан Перекопской (Крымской) Орды, магистры орденов Немецкого и Ливонского, легат, или посол, папы, византийский посол и многие из удельных князей русских и литовских. Витовт старался удивить гостей великолепием приема и роскошнейшими пирами, для которых из княжеских погребов ежедневно отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, романа и пива, а на кухню привозили 700 быков и яловиц, 1400 баранов и по 100 зубров, лосей и кабанов. В это же время устраивались, конечно, огромнейшие охоты для приглашенных.

Съезд, однако, не привел к желаемой Витовтом цели. Сигизмунд легко уговорил Ягайлу дать согласие на венчание Витовта короной, но этому воспротивились могущественные польские паны во главе с краковским епископом Збигневом Олесницким. Они отлично понимали, что обращение Литвы в королевство навеки оторвет ее от Польши, и так подействовали на слабодушного Ягайлу, что тот залился слезами, благодарил их за верность и затем ночью тайно бежал из Луцка, чем привел в немалое смущение Витовта и его гостей. Тем не менее Витовт был убежден, что будет королем, и пригласил в следующем году многих гостей на свою коронацию в Вильну. Сюда же прибыл по особо усердной просьбе Витовта и Ягайло. Все было готово для совершения торжества, недоставало только короны, давно высланной императором Сигизмундом. Но она не появлялась: поляки, узнав, что корона находится в пути, послали ее перехватить. После напрасного и долгого ожидания коронации гости, приглашенные на нее, стали разъезжаться. Это так подействовало на Витовта, что он расхворался и скончался в октябре того же 1430 года. Так умер этот честолюбивый и могущественный князь, бывший наряду с Гедимином и Ольгердом одним из главных объединителей Западной Руси под властью Литвы. Но сильно покровительствуя латинянам и тесня православие, он, может быть, против своей воли работал для будущего поглощения Польшей всего Литовского княжества.

Со своим внуком, великим князем Василием Москов-

ским, Витовт не имел непосредственных столкновений, но воевал в 1426 году с Псковом, а в 1427 году с Новгородом. В 1426 году он подошел с многочисленным войском к псковскому городу Опочке, жители которого, установив мост на канатах, набили под ним кольев, а сами спрятались в крепости. Татары, приведенные Витовтом, не видя никого на стенах, бросились на мост; он тотчас же рухнул, как только гражданами были подрезаны канаты, и огромное количество татар упало на колья, после чего жители истребили их почти поголовно. Тогда Витовт отошел от Опочки и стал осаждать другой московский город Воронач; граждане его оборонялись очень крепко, но стали уже изнемогать. Вдруг на помощь им пришло само небо: сделалась гроза, притом такая страшная, что все литовское воинство ожидало своей гибели, а Витовт, взявшись за столб в своем шатре, в ужасе кричал: «Господи помилуй!» Вслед за этой грозой Витовт поспешил заключить мир с Псковом, тем более что этого же требовал и его внук – Василий Московский.

Поход его против новгородцев был удачнее: в 1428 году он осадил их город Порхов, и, хотя при этом разорвалась огромная литовская пушка по названию «Галка» и убила множество своих, новгородцы запросили мира и получили его за 11 тысяч рублей. «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником», – сказал Витовт, принимая деньги.

Смерть Витовта обрадовала как поляков, опасавшихся его

честолюбивых замыслов, так и русских, особенно же в его владениях. Правящая же католическая литовская знать, добивавшаяся для Витовта королевской короны с целью отделения Литвы от Польши, была недовольна как Ягайлой, так и поляками. Это обстоятельство привело их к выбору литовским князем брата Ягайлова – Свидригайлу, человека с весьма независимым и крутым нравом, который, как мы помним, побывал при Василии Дмитриевиче в Русской земле и одно время владел у нас богатым уделом, но затем, вернувшись в Литву, долгое время провел в тюремном заключении. Избрание Свидригайлы вполне обеспечивало знатным литовским панам, что при его жизни Литва не будет зависеть от Польши. Вместе с этим Свидригайло Ольгердович был желанным человеком и для всех русских обитателей Литвы за свою искреннюю любовь ко всему русскому и доброе отношение к православию, хотя он и был католиком. К несчастью, однако, Свидригайло был человеком грубым, буйным, приверженным к вину и до крайности несдержанным. Возведение его на Литовский стол было, разумеется, тяжелым ударом для поляков, так как он тотчас стал заявлять о своей полной независимости от Польши, доказывая, что союз Литвы с Польшей вреден для первой, и ссорился с Ягайлой, особенно во время попоек. Скоро литовские католические паны вознегодовали на Свидригайлу за то, что он явно благоволил русским, православным «схизматикам», раздавая им важные должности.

Это привело к обширному заговору против Свидригайлы, в который был посвящен и его родной брат Ягайло. Во главе заговорщиков стал свирепый, подозрительный и мстительный князь Сигизмунд Кейстутович, родной брат Витовта, сильно приверженный латинству и ненавидящий православие. Покушение на жизнь Свидригайлы не удалось, но он должен был бежать с великого княжения с несколькими преданными панами.

Великим же князем Литовским, конечно, при усердном содействии католического духовенства, был избран Сигизмунд Кейстутович. Ягайло подтвердил это избрание, за что Сигизмунд уступил Польше литовскую волость – русскую Подолию, а после своей смерти обещал отдать ей и другое исконно русское владение – Волынь. Затем, чтобы привлечь к себе литовских бояр и панов православного исповедания, Сигизмунд дал им почти те же льготы, что и католикам. При этом панам этим было также предоставлено брать польские гербы, что было разрешено на Городельском сейме только литвинам-католикам.

Но, несмотря на все эти льготы, данные Сигизмундом, большинство русских земель, а именно: земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская и часть Волыни и Подолии, остались верны Свидригайле, который с ополчением, собранным в них, стал вести борьбу против Ягайлы и Сигизмунда. Русские люди дрались за Свидригайлу с большим одушевлением, надеясь осво-

бодиться от латинского засилья. Особенно был грозен для поляков мужественный защитник Волыни, православный князь Феодор Острожский, принявший впоследствии иноческий чин и причтенный к лику святых.

Предпринятая борьба могла бы окончиться в пользу Свидригайлы, если бы в 1431 году в Витебске он не совершил ужасного преступления: он позволил себе сжечь православного митрополита Герасима, заподозренного им в измене; вслед за тем обнаружились и его сношения с папою, у которого он искал поддержки, обещая за это соединить Русскую церковь с Римскою. Приведенные два обстоятельства отшатнули, конечно, большинство западнорусских людей от Свидригайлы, вскоре он потерпел сильное поражение от Сигизмунда и в конце концов удержал за собою только Кременец и восточную часть Подолья.

Ягайло умер во время этой борьбы со Свидригайлой, достигнув 86-летнего возраста. Сохранив до глубокой старости страсть к охоте и лесной природе, он вышел в холодную весеннюю ночь послушать пение соловья, простудился и скончался недалеко от Львова.

Плодом долговечного царствования этого достопамятного государя была, с одной стороны, Польско-литовская уния, а с другой – дальнейшее ослабление королевской власти в Польше. По своему беспечному, уклончивому нраву он был именно тем государем, которого желали польские дворяне и духовенство, чтобы приобретать себе все больше и боль-

ше прав за счет крестьян и королевской власти и расхищать государственное достояние. По их стопам старались идти и окатоличенные литовские бояре, почему скоро они сделались богаче и влиятельнее своих же природных князей, потомков Рюрика и Гедимины.

Ягайле наследовал на Польском столе его 10-летний сын Владислав. Разумеется, королевская рада во главе с епископом Збигневом Олесницким, любимцем молодой вдовы Ягайлы, всецело захватила в свои руки управление страной и еще деятельнее стала поддерживать Сигизмунда.

Сигизмунд, однако, недолго правил в Литве. Его мстительность к сторонникам Свидригайлы, притеснение православных и неслыханные жестокости скоро возбудили против него множество недовольных, и в 1440 году он был убит русским удельным князем Иваном Чарторийским в Троках. Престарелый Сигизмунд, не выходя из своей опочивальни, слушал обедню, совершавшуюся в соседнем покое. При нем в качестве верного сторожа была ручная медведица, которая в это время как раз гуляла по двору. Медведица имела обыкновение, возвращаясь в покои Сигизмунда, царапать лапою о дверь, после чего он ее отворял. Зная это, Чарторийский с одним сообщником стали подражать царапанью медведицы. Сигизмунд впустил их и был тотчас же убит железными вилами.

Смерть Сигизмунда подняла опять вопрос об избрании князя. После многих пререканий и козней выбор остановил-

ся на младшем брате юного польского короля Владислава – Казимира Ягайловиче. Поляки согласились его отпустить в Вильну только наместником польского короля и отправили его туда с целым сонмом польских советников. Но литовцы, которые хотели иметь не наместника, а своего венчанного великого князя, очень ловко обманули польских гостей. Они усердно их угостили на роскошном пиршестве и напоили всех допьяна, а на следующее утро, когда хмельные польские паны-сенаторы еще спали, они посадили Казимира на великокняжеский стол в соборе, надели на него шапку Гедимина, подали меч и покрыли великокняжеским покрывалом. Проведенным таким образом польским панам ничего больше не оставалось, как уехать домой. Юный же Казимир стал княжить, окруженный литовскими вельможами.

О союзе с Польшей, а тем более о подчинении ей Литовского княжества не было и помину. Поляки, разумеется, страшно негодовали против этого порядка вещей и стремились к расчленению владений Казимира на несколько частей, но вдруг случилось событие, неожиданно изменившее дальнейшие судьбы Польши и Литвы. Молодой король Польский Владислав был избран в 1439 году и королем Венгрии, поэтому он должен был вести войну с турками, наседавшими уже с Балканского полуострова на пограничные владения Венгрии и Австрии, и в 1445 году – во время этой войны с турками – Владислав был неожиданно убит у крепости Варны, не оставив потомства. Тогда поляки выбрали на его место Казими-

ра, который остался при этом и великим князем Литовским, чем поставил себя на всю свою долголетнюю жизнь в крайне затруднительное положение, так как должен был все время колебаться между притязаниями поляков на литовские владения, с одной стороны, и стремлениями литовцев к полной независимости от поляков – с другой. Часто Польша и Литва бывали им недовольны, и подымался порой вопрос об избрании нового короля для первой и нового великого князя для второй.

Быстро подпавший под влияние католического духовенства и опасаясь потерять свою польскую корону, Казимир делался все более и более уступчивым по отношению к латинской знати. В его время распущенность и изнеженность польских панов, когда-то храбрых и бесстрашных воинов, дошла до невероятных пределов: попойки, бахвальство и щегольство чисто женского пошиба были отличительными чертами их жизни; они одевались в шелк и бархат и проводили целые часы перед зеркалом, расчесывая свои длинные волосы и завивая их в затейливые кудри. Так же одевались и причесывались богатые польские жида. Но что к лицу торговцу-иудею, то не подобает воину, и в царствование Казимира же польские паны понесли жестокое наказание за свою изнеженность. Во время одного сражения в Венгрии, в Буковине, они потерпели поражение, причем, быстро отступая через густой лес, множество знатных панов, подобно библейскому Авессалому, повисло своими кудрями на сучьях и бы-

ло безжалостно избито врагами. Как это зачастую бывает, изнеженность мужчин повела за собой огрубение нравов среди женщин. В Польше в описываемое время появилось много разбойниц, грабивших по большим дорогам, причем среди них были и принадлежавшие к шляхетскому сословию. «Каждый в Польше, – говорит польский историк Иоахим Лелевель про это время, – мог поступать как хотел, поэтому многие злоупотребляли своей свободой».

Что касается отношения к русским, то Казимир, подобно своим предшественникам и, как увидим, подобно многим из преемников, играл в две руки. Одной рукой он старался привлечь к себе обитателей Восточной России, соприкасавшихся с его владениями в Литве, и так же, как Витовт, заигрывал с Новгородом, стремясь подкапываться под московских князей и не брезгая для этого тайными сношениями с татарами. В то же время другой рукой он разрушал первейшую основу западнорусской жизни – православие – и всеми силами старался покровительствовать унии, то есть присоединению Греческой церкви к Латинской, вопрос о чем неоднократно подымался папами и раньше, но с особенной силой разгорелся в XV столетии, во время великого княжения Василия Васильевича на Москве.

К XV веку папы потеряли значительную часть своей силы и обаяния в Западной Европе; с ними давно уже вели борьбу светские властители: князья, короли и германские императоры, которым было крайне тягостно вмешательство в их го-

сударственные дела целого ряда властолюбивых пап. Борьба эта шла успешно для светских властей, так как большинство населения было возмущено распущенностью нравов католического духовенства, хотя в числе его представителей встречалось, конечно, немало людей и с самыми высокими нравственными качествами. Тем не менее существование таких монашеских орденов, как орден «Веселых братьев» в Италии, открыто пользовавшийся для мотовства и распутства своими преимуществами, данными ему папой, должно было разрушать в народной среде веру в непогрешимость Латинской церкви. Еще более ужасен был орден монашествующих рыцарей Гроба Господня, или храмовников; создан он был предварительно в Святой земле с самыми высокими целями, а затем под влиянием разных тайных восточных учений, в том числе и иудейской каббалы, о которой подробнее мы скажем ниже, не только отрекся от христианства, но даже кощунствовал над Святым Крестом в своих обрядах и занимался при этом беспощадным ростовщичеством. Французский король Филипп Красивый положил конец этому возмутительному ордену: по его настоянию храмовников судили и затем многих из них сожгли. К сожалению, однако, в Западной Европе есть еще и до настоящего времени тайные последователи их возмутительного учения, о чем мы будем говорить впоследствии.

Следствием описанных не порядков в самом корне латинства было возникновение опасных для него ересей, с кото-

рыми папы начали бороться учреждением особых страшных судилищ, так называемых инквизиционных, где подозреваемых в ереси предавали ужаснейшим и утонченным пыткам, а добившись от них сознания в виновности, сжигали затем на кострах. Начало этих судилищ относится к XIII веку, и в XV столетии костры, на которых сжигали еретиков, пылали уже во всех концах католической Европы, причем в Литве инквизиция была введена в 1436 году, во время великого княжения мрачного и жестокого Сигизмунда Кейстуовича.

Однако, несмотря на инквизицию, крупные нестроения и ереси в Католической церкви продолжались. В XIV веке один из французских королей занял Рим и силой вывез из него пап к себе во Францию, в город Авиньон, где они прожили 70 лет. В начале же XV века возникли учения Виклифа в Англии, а затем и Иоанна (Яна) Гуса в Чехии, имевшие множество последователей.

Учения эти осуждали невоздержание католического духовенства и указывали на крайне соблазнительное для нравственности папство поведение пап. Действительно, в это время как раз были сразу три папы, которые низлагали и взаимно проклинали друг друга.

Для прекращения всех этих непорядков был созван в 1414 году Констанцкий собор, осудивший, между прочим, Гуса и его друга Иеронима Пражского на сожжение. На собор этот, как мы говорили, Витовт отправил поставленного им митрополита Западной Руси Григория Цамблака хлопотать

об унии или присоединении Греческой церкви к Латинской. Конечно, эта мысль об унии была как нельзя более на руку папам ввиду сильного падения их обаяния в это время в Западной Европе: присоединение к латинству всех исповедующих православие сулило им огромное влияние в обширных владениях Литвы и Руси, сопряженное вместе с тем с получением с этих земель богатейших денежных средств. Как мы видели, Цамблак приехал к концу Констанцкого собора и успеха в своем посольстве не имел.

Тем не менее папы продолжали лелеять мысль о полном подчинении себе православия под видом унии. Скоро для этого представился благоприятный случай. Мы видели, что уже к началу XV века турки овладели Балканским полуостровом и держали в осаде несчастную Византию, причем только крепкие стены Царьграда, а затем и разгром Тамерланом Баязета отсрочили на несколько десятилетий падение этой когда-то великой державы. С целью спасти себя от предстоящего ужасного порабощения турками византийский император Иоанн VIII Палеолог, предшественники коего на протяжении многих веков были столь крепкими ревнителями православия, решил искать сближения с папой, рассчитывая при его помощи поднять всю Западную Европу против турок. Такого же образа мыслей держался и царьградский патриарх Иосиф. Желание их встретило горячий отклик в лице папы Евгения IV, низложенного как раз в это время громадным большинством голосов на Базельском со-

боре, причем на его место был избран другой папа (Мартин V).

Не обращая никакого внимания на свое низложение, Евгений IV поспешил собрать другой собор в Италии, в городе Ферраре, перенесенный затем во Флоренцию, для решения вопроса столь огромной важности, как соединение греческой церкви с Латинской. На собор этот прибыл византийский царь Иоанн VIII Палеолог с патриархом Иосифом, множество высшего латинского духовенства и 22 представителя Православной церкви, в том числе и преданный всецело папе митрополит всея Руси.

Кто же был этим митрополитом?

После смерти митрополита Фотия великий князь Василий Васильевич Московский вместе со всеми другими князьями решил поставить в митрополиты уже знакомого нам Иону, бывшего тогда епископом Рязанским и снискавшего святостью своей жизни общую любовь и уважение, причем еще митрополит Киприан, увидя его в первый раз молодым монахом, предсказал ему в будущем этот великий сан. Однако святому Ионе суждено было не скоро стать действительно митрополитом всея Руси. Как мы знаем, назначение митрополита зависело от патриарха Царьградского. А в том же 1432 году, когда Василий избрал Иону, Свидригайло Литовский, очевидно, не связавшись с московским князем, самостоятельно просил патриарха Иосифа назначить в митрополиты его избранника – епископа Литовского Герасима, что

и было исполнено в Царьграде. Когда же Свидригайло сжег Герасима в Витебске, подозревая его в сношении с врагом своим Сигизмундом, то великий князь Василий Васильевич отправил Иону в Царьград с просьбой поставить его в митрополиты всея Руси. Но, очевидно, в Царьграде, где уже замышлялась уния с папой, не мог быть по душе такой крепкий православный человек, как Иона, а потому его встретили там известием, что митрополит для Руси уже поставлен. Это был ловкий и хитрый грек Исидор, всецело посвященный в замыслы Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа и уже успевший побывать у папы и снискать его расположение. Поэтому смиренный Иона должен был отправиться из Царьграда обратно в Русскую землю вместе с Исидором в качестве простого спутника последнего.

Прибыв в Москву, Исидор стал тотчас же собираться на собор во Флоренцию, который он выставлял как восьмой Вселенский. Конечно, этот собор, созываемый в неправославной стране, должен был показаться подозрительным великому князю Василию, но отклонить Исидора от поездки на него он не мог. Однако, предчувствуя недоброе, великий князь, отпуская митрополита, сказал ему: «Смотри же, принеси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого, не приноси; если же принесешь что-либо новое и чужое, то мы не приемем».

Исидор поклялся великому князю не изменять правосла-

вию и отправился в дорогу в сентябре 1437 года, сопутствуемый большой свитой, в коей был и суздальский священник Симеон, оставивший любопытные записки об этом первом путешествии русских в Италию.

Когда Исидор прибыл в Дерпт (Юрьев), то он с благоговением приложился сперва к латинскому кресту, а затем уже к православным иконам. Спутники его ужаснулись и потеряли к нему всякое доверие, со страхом ожидая его вероотступнической деятельности на соборе, но само путешествие произвело на них очень благоприятное впечатление.

В это время Западная Европа, надежно прикрытая грудью православных восточных славян – руси, болгар и сербов – от убийственных вторжений азиатских кочевников, не испытывала вовсе тех ужасных опустошений, которым подвергались они, и могла свободно развивать свою торговлю, а также совершенствоваться в науках, искусствах и ремеслах. Уже город Юрьев, переименованный немцами в Дерпт, поразил наших путешественников своим видом: «Палаты в нем чудные, мы таких не видывали и дивились», – писал священник Симеон. Еще больше им понравился Любек, главный город Ганзейского торгового союза, к которому, как мы знаем, примыкал и Новгород. «Город Любек очень дивен; сады прекрасные, палаты чудные с позолоченными верхами; товара в нем много всякого; воды проведены в него, текут по всем улицам по трубам, а иные из столпов, студены и сладки». Славный город Нюрнберг в Баварии показался им хит-

рее всех прежде виденных городов: «Сказать о сем убо не можно и недомысленно». Но больше всего удивили русских путешественников итальянские города: Венеция и Флоренция. Про Венецию отец Симеон писал: «А той град стоит в море, а сухого пути к нему нет; а среди его проходят корабли, а по всем улицам воды, и ездят на барках... Есть в граде том церковь Святого Евангелиста Марка, каменная, столпы в ней чудные, гречин писал мусией». Про Флоренцию же он говорит: «Град Флоренция велик весьма, и такого не обретохом в прежде писанных градах... Есть же во граде том лечебница велика, и есть в ней за тысячу кроватей, и на последней кровати перины чудны и одеяла драгие... И есть во граде том икона чудотворна: образ Пречистой Божией Матери, и есть пред иконою тою, в больнице, исцеливших людей за шесть тысяч доспеты вощаны, во образ людей тех... И суть во граде том Божница устроена велика, камень мрамор бел да черн; а у Божницы той устроены столп и колокольница, и хитрости ей недоумевают ум наш».

Однако, недоумевая своим умом о хитростях строения флорентийских зданий, суздальский иерей Симеон своим чистым сердцем сразу постиг измену митрополита Исидора и не дал себя обмануть его хитрыми и сладкими речами на соборе, где, как мы говорили, кроме папы и царя Иоанна Палеолога³, собрались патриарх Константинопольский, 22 пра-

---

³ К этому времени он уже потерял свою супругу Анну, дочь Василия Димитриевича Московского.

вославных митрополита и епископа и множество высшего латинского духовенства. Этот собор сразу же оказался таким, каким его себе и представлял Василий Темный. Он во все не задавался целью искреннего соединения церквей, о чем у нас молятся за каждой обедней и для чего латиняне должны бы были отстать от своих уклонений от православия, а задался исключительно целью подчинить папе всю Греческую церковь; самыми главными и опасными предателями в этом деле были митрополиты: наш Исидор и Виссарион Никейский.

Достойным же их противником выступил епископ Эфесский Марк, причинивший своею твердостью огромные досады папе. Тем не менее после долгих и жарких прений унии, то есть союз Православной церкви и Латинской, при полном подчинении первой последней, состоялась на этом соборе решением всех голосов против одного – Марка Эфесского, наотрез отказавшегося, несмотря на все угрозы, подписать грамоту об унии. Когда об отказе Марка узнал папа, то он воскликнул с негодованием: «И так мы ничего не сделали».

Исидор больше других старался об унии и уехал из Флоренции с великим пожалованием от папы: он был назначен папским кардиналом – «легатом (наместником) от ребра апостольского». Заковав в железо бежавшего было от него бесстрашного иерея Симеона, который постоянно спорил с новым кардиналом и, ходя с ним по божницам, не хотел «приклякать» (приседать) по-латински перед извая-

ниями святых, Исидор торжественно вернулся в Москву в 1441 году, приказав нести перед собою большой латинский «крыж» (крест) и три серебряные палицы.

Прибыв в Успенский собор, куда собралось вместе с великим князем Василием Васильевичем все боярство и высшее духовенство, он стал служить обедню по-новому: поминать на ектении вместо вселенского патриарха папу, а по ее окончании велел читать грамоту о соединении церквей, в коей было указано, вопреки православному Символу веры, что Святой Дух исходит от Отца и Сына, что хлеб бесквасный и квасный одинаково может претворяться в тело Христово, и прочие латинские новизны. Все растерялись. «Все князи умолчала и бояре и инии мнози...» – говорит летописец.

Не растерялся только один великий князь Василий Васильевич, обыкновенно столь уступчивый. Он назвал Исидора латинским «ересным прелестником» и лютым волком, а не пастырем, велел свести с митрополичьего стола и заключил под стражей в Чудовом монастыре.

После этого был собран собор русских епископов, которые, рассмотрев подробно дело, осудили Исидора. Вскоре, однако, он нашел случай бежать из своего заточения и обратиться к папе, при котором занял очень приближенное место. Великий князь не преследовал его, но вновь решил возвести Иону митрополитом собором наших святителей и отправил об этом письмо в Царьград к патриарху, прося иметь право и впредь ставить митрополита из русских же собором

русских епископов.

Письмо его не дошло до Царьграда: в Москву скоро пришло известие о присоединении патриарха Иосифа к унии, а затем началась усобица с Шемякой; поэтому Иона был поставлен митрополитом лишь после окончательного утверждения Василия Темного на Московском столе. Сообщая о сем императору в Византию, Василий писал: «Собравши своих русских святителей, согласно с правилами, поставили мы вышеупомянутого Иону на митрополию русскую, на Киев и на всю Русь. Мы поступили так по великой нужде, а не по гордости или дерзости; до скончания века пребудем мы в преданном нам православии... Мы хотели обо всех этих делах церковных писать и к святейшему патриарху православному... но не знаем, есть ли в вашем царствующем граде патриарх или нет...»

Это было последнее письмо московского великого князя в Царьград о поставлении митрополита: с тех пор они уже всегда выбирались в Москве собранием русских епископов. Царьград же в 1453 году был окончательно взят турками.

Флорентийская уния не принесла никакой пользы византийскому императору Иоанну; известие о ней было встречено в Константинополе народным бунтом, а папа дал Иоанну всего 300 воинов и несколько десятков тысяч золотых, обещая, впрочем, созвать крестовый поход. Но его уже плохо слушали в Европе, а деятельный султан Магомет II неослабно готовился между тем к завладению великим городом.

Царь Иоанн не дожил до этого: Царьград пал при преемнике Иоанна – его родном брате императоре Константине.

Турки вели приступ с моря и с суши беспрерывно в течение семи недель. Наконец Магомет перетащил на колесах по суше свои корабли во внутреннюю гавань – Золотой Рог, вход в которую из Босфора был заперт цепью, и 29 мая с восходом солнца начался страшный приступ. Турок было около 300 тысяч человек; из ста же тысяч жителей Царьграда вооружили только 5 тысяч граждан и монахов, кроме того, было 2 тысячи иностранных войск под начальством храброго генуэзского рыцаря – Джустиниани. Турки как бешеные вломились в город, после чего началась страшная резня. Император Константин сражался геройски, но пал под ударами неприятеля; его последние слова были: «Отчего я не могу умереть от руки христианина?»

Этому падению Царьграда предшествовало много предзнаменований, между прочим замечательное пророческое видение болгарскому царю Симеону, воевавшему в X веке с византийским императором Романом и давшему ему легкий мир, несмотря на то что болгары могли овладеть Константинополем: когда Симеон отходил от Царьграда, то ему явился старец и предсказал, что за то, что он не взял этого города, будучи в состоянии им овладеть, а оставил его во власти лукавых греков, болгарский народ и Византия подпадут под турецкое иго. Взятие Константинополя турками поразило всю Европу. Для русских же людей эта потеря была так

же тяжела, как поражение своей собственной родной земли. Слишком много связей и преданий было у нас с несчастной, некогда славной Византией. Печалуясь о судьбе Царьграда, летописец наш примечает: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждой; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют смертью в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме русского. Так исполнилось предсказание святых Мефодия и Льва Мудрого, что измаильтяне (турки) овладеют Византией; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят измаильтян и на седьми холмах ее воцарятся».

Действительно, после падения Византии Москва с ее государем, митрополитом и народом сделалась, так сказать, средоточием истинной Христовой веры, к которому все более и более начали стремиться сердца всех православных людей. Она стала скоро в сознании этих людей Третьим, и последним Римом, так как в Первом – древнем Риме – православие образовалось впервые, во Втором – Византии – оно укрепилось и распространилось на многие народы, а в Третьем Риме – Москве – оно должно сохраняться до скончания века. Четвертому же Риму не быть.

Этому значению Москвы в деле сохранения православия русские люди обязаны, конечно, всецело Божией благодати, осенившей благодушного и слабого Василия Темного восстать, как скала, против Флорентийской унии. «Это одно из тех великих решений, – говорит наш историк С. Соловьев, – которые на многие века вперед определяют судьбы народов. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Руси в Смутное время 1612 года, сделала (как мы увидим) невозможным вступление на Московский престол польского королевича, повела в борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великой, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова». Мы, православные русские люди, живущие в настоящее время, должны постоянно об этом помнить.

Флорентийская уния, отвергнутая в Москве, была, конечно, встречена с живейшей радостью католиками в Польше и Литве. Польский король Владислав Ягайлович дал жалованную грамоту присоединенному русскому духовенству Западной Руси «ввиду соединения церквей», рассчитывая, что его митрополитом будет Исидор. Но Исидор бежал из Москвы, нигде не останавливаясь, ни на Руси, ни в Литве; после же того, как Владислав был убит под Варной, брат его Казимир, не желая ссоры с Москвой, признал Иону митрополитом и над Западнорусской церковью, в которой поэтому, конечно,

не было и речи об унии.

Но папы не так легко хотели от нее отказаться, и в 1458 году отправившийся в Рим, после взятия Царьграда турками, константинопольский патриарх Григорий Мамма, заискивая к папе, поставил митрополитом для Западной Руси некоего епископа Григория, ученика и ревностного последователя кардинала-митрополита Ионы из северо-восточных владок, которые отправили западнорусским епископам увещание не принимать к себе Григория. На это Казимир, ведя свою обычную игру в две руки, не согласился и даже предложил Василию Темному избрать Григория вместо Ионы и для северо-восточных епархий, ссылаясь на то, что Григорий привез с собой грозное послание папы, в котором тот повелевал: «Поймать и сковать нечестивого отступника Иону». Но Василий, разумеется, не согласился. Русская же митрополия вновь разделилась, и на этот раз окончательно.

Разделение это крайне горестно подействовало на святого Иону, который, поставив себе преемником епископа Феодосия Ростовского, преставился в 1461 году, прославившись еще при жизни чудотворением. После же кончины народ почитал его за крепкую любовь к православию и Русской земле наравне со святителями Петром и Алексием. В следующем, 1462 году сошел в могилу на 47-м году жизни и великий князь Василий; он умер от прижигания тела трутом, что делал по совету тогдашних врачей, полагавших, что у него «сухотная болезнь».

Из лиц, занимавших видное положение при Василии Темном и стяжавших по себе память за верность своему государю, обращают на себя внимание князья Ряполовские и Оболенские. Последние были потомками святого Михаила Черниговского, и многие из них оказались весьма искусными в ратном деле. Затем удержали свое значение и бояре Кобылины-Кошкины; члены этой семьи отличались особой преданностью Василию в самые тяжелые времена, вместе со знаменитым Феодором Басенком. Верными слугами Темного были также члены древнего рода Плещеевых, из которого происходил святой Алексей, митрополит Московский, а именно: бояре Феодор Челяднин и Василий Кутузов. Запятнал же свое имя черной изменой боярин Иван Старков, предавший Василия в тяжелое время и перешедший на сторону Шемяки.

Василий Темный оставался в течение всей своей жизни почтительным сыном по отношению к Софье Витовтовне и безупречным мужем, завещав после смерти своей вдове, по обычаю предков, богатые земли с деревнями и селами, из которых некоторыми великие княгини могли распоряжаться совершенно по своему произволу и завещать в свою очередь кому угодно. Такие владения, составлявшие полную собственность великих княгинь, назывались «опричинами».

Княжеские доходы при Василии Темном состояли, как и в древние времена, из судебных пошлин и различного рода податей. Весьма крупную статью их составляли, кроме то-

го, и доходы от произведений земли, так как потомки Калиты, как мы видели, усердно собирая Русскую землю, употребляли значительную часть своих денег на скупку земельных участков у мелких удельных князей и других лиц⁴. Затем крупные доходы приносили также рыбная ловля, пчеловодство, охота и ловля бобров; для охоты посылались на север целые ватаги звероловов, а бобровыми гонами заведовали особые бобровники. В большом ходу была и ловля кречетов для охоты, а также и медведей, которых во множестве водили по Руси для потехи народа. Князья держали тоже большие стада коней и имели обширные сады.

Первенствующее значение в государственной жизни имела, как и прежде, княжеская дружина, то есть военно-служилое сословие, причем, как и в старину, старшие в этом сословии, бояре, составляли ближайших советников князя, так называемую Боярскую думу. Им же князь приказывал ведать и внутренними отраслями государственного управления.

Так как в Московском княжестве князья сидели на одних и тех же местах, то дружина, конечно, также приобрела оседлость, причем члены ее скоро сделались значительными землевладельцами, главным образом, потому, что награды военно-служилому сословию производились в то время преимущественно пожалованием земель, причем если земли да-

---

⁴ В этом отношении, как и во многих других, московские князья составляли полную противоположность польским королям. Последние постоянно нуждались в деньгах и постепенно заложили и распродали немцам всю Силезию, составившую исконное их владение.

вались во временное пользование, то они назывались поместьями, а если, напротив, в вечное и потомственное владение, то вотчинами.

Но были, впрочем, и другие виды жалованья за службу, а именно: боярам давались на кормление или доходы с целых городов, или же доходы в данной местности с какой-либо одной отрасли великокняжеского хозяйства; первые бояре, получавшие города на кормление, назывались введенными, а вторые, получавшие только доход с известной статьи хозяйства, – путными (старинное слово путь и настоящее доход – от доходить – выражают одно и то же понятие). Ниже бояр стояли боярские дети и дворяне, самым же младшим служилым сословием были «вольные княжеские слуги, или люди дворовые», таможенники, приставы и прочие, получавшие разного вида жалованье; под ними были уже слуги полусвободные: бортники, садовники, конюхи, псары, ловчие и другие. Остальное население, не принадлежащее к служилому сословию, составляло так называемое земство, или тяглое население. К верхнему слою этого сословия принадлежали наиболее крупные торговцы – гости, за которыми следовали собственно купцы, делившиеся на сотни – гостиную, суконную и другие.

Низшее городское население имело наименование черных людей; они делились на черные сотни.

Сельское население, как и теперь, носило название крестьян; слово это происходит, вероятно, от древнеарийского

слова — крст — борозда (откуда бороздить — крестить — пахать). Весьма замечательно, что оно почти совпадает со словом «христианин», почему многие простые люди и смешивают эти названия, и в этом смешении кроется глубокий внутренний смысл, так как русский человек по природе сельский житель и горячий христианин. Назывались крестьяне в XV веке также сиротами; слово это показывало, разумеется, сочувственное к ним отношение других слоев населения. Крестьяне были по-прежнему свободны, но, чтобы обрабатывать землю, должны были заключать условия с ее владельцами: частными собственниками, монастырями или государством; при этом, ввиду того, что частые переходы хлебопашцев от одного владельца к другому являлись крайне убыточными для народного хозяйства, в XIV–XV веках начали уже делать некоторые попытки к ограничению этих переходов. Так, в Московской Руси для них был назначен срок — именно осенний Юрьев день, то есть окончание полевых работ; кто же уходил раньше этого дня, того возвращали к прежнему владельцу земли.

Кроме свободного сельского населения, по-прежнему были и несвободные, или холопы. Общее обеднение, наступившее во время татарщины, значительно увеличило число холопов; многие закладывались в холопы за долги, а иные, как это делалось и в Западной Европе, шли добровольно в холопы к сильным и богатым людям, просто потому, что за их спиной им жилось легче и они могли скорее найти защиту

от лихих людей.

При Василии Темном встречаются первые известия о казаках, именно о казаках рязанских, населяющих украинные рязанские места и живших бок о бок с хищниками, хозяйничавшими постоянно в наших южных степях. В казаки шли, конечно, самые бедные, но притом и самые выносливые и воинственные люди, потерявшие надежду на сносную жизнь в родных местах и шедшие искать лучшей доли в пограничное приволье, с тем чтобы с оружием в руках отстаивать ее от татар и иных лихих людей.

Нравы населения отличались во времена Василия Темного той же грубостью, которая явилась последствием нашествия татар; в высшем сословии женщины редко показывались на улицах и жили почти исключительно в тесном семейном кругу. Любимыми занятиями народа были бои кулачные и на дрекольях; среди бояр же устраивались «игрушки», подобно рыцарским поединкам (турнирам) Западной Европы; игрушки эти иногда оканчивались смертью.

Грубость нравов отразилась также и на законодательстве: участилось применение смертной казни, причем она полагалась во многих случаях за воровство, разбой и конокрадство. Часто употреблялись также телесные наказания, которые на Руси применялись ко всем преступникам, невзирая на их звание; на Западе же благородные были от них освобождены. Из этих телесных наказаний наиболее употребительным было битье кнутом; оно происходило обыкновенно

на торгу, то есть на городских площадях, и носило поэтому название «торговой казни».

Отмечая это огрубение нравов в Русской земле, следует, однако, отнюдь не забывать, что в Западной Европе они были еще значительно более жесткими. Смертная казнь и жестокие пытки применялись там во множестве случаев, не говоря уже об ужасе инквизиционных судилищ и десятках тысяч костров, ею зажженных.

Вместе с тем если мы находим несомненное огрубение нравов во время шемакинской смуты, то следует помнить, что в Западной Европе XV век ознаменовался общим крайним упадком нравов, а шедшие там войны и усобицы сопровождались прямо ужасающими жестокостями и злодействами. Мы уже видели, какое полное отсутствие нравственности проявлялось в поступках наших ближайших соседей – Ягайлы, Витовта и Свидригайлы; не менее безнравственны были ливонские и прусские рыцари, крайне бесчеловечно относившиеся к побежденным им народностям. Современный немецкий летописец говорит, что «наши собаки пользуются лучшим обращением, нежели эти побежденные люди».

В остальной Европе нравы были не лучше.

В первой половине XV века закончилась знаменитая Столетняя война между Англией и Францией, ознаменовавшаяся вместе с подвигами мужества и многочисленными жестокостями, коварством и низостями, из которых величайшей было сожжение католическим духовенством на костре яко-

бы за сношение с нечистой силой святой девушки Жанны д'Арк. Она привела Францию к победе и затем была мало-душно предана англичанам французами же, а в настоящее время, по прошествии 500 лет после ее сожжения, торжественно причтена к лику святых тем же латинским духовенством, которое осудило ее на сожжение.

Тогда же жил во Франции знаменитый барон Жиль де Ретц, более известный по прозвищу Синяя Борода, убивший нескольких жен и в течение 14 лет похитивший огромное количество детей с тем, чтобы среди страшных истязаний медленно выпускать из них кровь и приносить этим жертву Сатане и прочим нечистым духам, «подателям золота, знания и могущества».

Наконец, во времена же Василия Темного царствовал во Франции мрачный король Людовик XI; он ознаменовал свою жизнь великим делом, так как собрал воедино почти всю Францию, разделенную до этого между несколькими владельцами, постоянно между собою враждовавшими; но ужасом веет при чтении о тех способах, к которым он прибегал для этого собирания. Людовик восстал против собственного отца, затем против облагодетельствовавших его герцогов Бургундских и ознаменовал все свое царствование страшным вероломством и утонченными бесчисленными казнями, причем любимым его занятием было запираť своих врагов в небольшие железные клетки, в которых они могли помещаться только съжившись, и ежедневно приходить любо-

ваться их страданиями; мысль о таком изуверстве ему подал один латинский кардинал, которого он первого же и засадил в клетку и выдержал в ней 12 лет.

На юге Европы, в Испании, Италии и Византии, нравы были нисколько не лучше; особенно же жестоки были они в Италии: убийства родных братьев были там делом самым обыденным, причем отравлялась так же часто, как и кинжал. Владетели итальянских городов постоянно враждовали как друг с другом, так и с партиями противников в своих собственных городах и изощрялись до чрезвычайности в устройстве разного рода западней и тайных убийств. Совершенно по тому же направлению шли в XV веке и папы: борясь за власть с могущественными князьями Италии, они держали особых наемников, которые совершали неслыханные зверства во владениях их врагов и избивали тысячами совершенно невинных жителей; при этом особую известность своими преступлениями, из которых убийства и отравление были лишь одним из видов, приобрел во второй половине XV века папа Александр VI, из фамилии Борджиа. Мы встретимся с ним в нашем дальнейшем изложении.

Замечательно, что такое невероятное падение и ожесточение нравов в Западной Европе происходило в то время, когда науки, искусства и ремесла достигли в ней весьма большого развития и ученые пользовались повсеместно огромным влиянием, а многие города славились своими высшими учебными заведениями – университетами, которые вмещали

в себе по несколько десятков тысяч слушателей.

Поэтому, рассматривая нравы Русской земли в XV веке, мы видим, что они были значительно мягче и неизмеримо чище, чем западноевропейские, несмотря на то что научное образование вследствие татарщины стояло у нас тогда крайне низко. Сам великий князь Василий Темный был неграмотен; при этом наши ближайшие западные соседи – Польша, Литва и орденские немцы – ревниво заслоняли от нас все, что могло идти к нам с Запада в целях истинного просвещения, а также для развития разного рода искусств и ремесел. Особенно недружелюбно относились купцы ганзейских городов, торговавшие с Великим Новгородом, Псковом, Смоленском, Витебском и Полоцком, к тому, чтобы русские купцы сами ездили за море, и всячески старались им препятствовать в этом. Таким образом, жители перечисленных городов, соприкасавшиеся с иностранцами, могли заимствовать у них главным образом только плохое. В Новгороде и Пскове упали когда-то знаменитые искусства: иконопись и строительство, Москва в XV веке уже значительно их опередила. Одни лишь деревянные царские врата, сооруженные новгородцами в XV веке в церкви Спаса Нередицы, замечательны по своей высокохудожественной работе.

Конечно, высшее русское духовенство продолжало по-прежнему быть носителем и распространителем просвещения. В это время особенно развилось составление житий русских святых, что вместе со сказаниями о замечательных

князьях и событиях родной земли (о нашествии Батыя, Евпатии Коловрате, Мамаевом побоище, об убиении в Орде Михаила Тверского и прочими) составляло любимое чтение наших предков. Имелись составленные русскими писателями и сказания о путешествиях в разные страны, из которых особенной известностью пользовались уже упомянутые нами воспоминания суздальского священника Симеона о Флорентийском соборе и сказание «О создании Царьграда и взятии его турками». Вместе с тем у нас обращались и переводные сочинения с греческого, болгарского, персидского, арабского и даже индийского языков. Конечно, больше всего было переводов с языков греческого и болгарского благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном⁵. Среди упомянутых сочинений, наряду с духовно-нравственными книгами и историческими, видное место занимали также книги отреченные, то есть признанные Церковью вредными и запрещенными. Сюда относились разные ложные сказания из Ветхого и Нового Завета, порою и кощунственные, а также и различные книги о волхвовании и чародействе, чем очень жадно занимались в те времена во всей Западной Европе. Среди последних наибольшей известностью пользовались на Руси «Тайная Тайных, или Аристотелевы врата», ложно приписываемая великому

---

⁵ Исследованию вопроса о переводных сочинениях в XIV–XVII столетиях посвящен обширный труд академика А.И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков» в «Сборнике отделения русского языка и словесности Императорской академии наук» 1903 года.

греческому мудрецу Аристотелю, воспитателю Александра Македонского; «Рафли» (гадание по черточкам и точкам); «Шестокрыл» (гадание по звездам); «Лопаточники» (волхование по лопаткам убитых животных); «Трепетники» (гадание по дрожанию мышц, зуду в различных частях тела, звону в ушах) и прочие.

Русское высшее духовенство продолжало, как мы видели, всецело следовать заветам святых митрополитов Петра и Алексия и в противоположность латинскому всячески заботилось не об усилении собственной власти, а об укреплении державы московских государей для собирания Русской земли воедино.

Конечно, только благодаря глубокой любви к православию, поддержанной в сознании всех высоким нравственным поведением высших пастырей Церкви, среди которых было немало святых, мог не обученный грамоте Василий Темный безошибочно решить вопрос об отвержении Флорентийской унии и тем навеки определить судьбу русского народа.

В одно время со святителем Ионою подвизались в Русской земле и другие угодники Божии, так же, как и он, причтенные нашей Церковью к лику святых.

В Новгороде особенно прославились своим благочестием и святостью архиепископы Евфимий и Иона. Святой Евфимий отличался редкой щедростью по отношению к сирым и бедным; он был горячим сторонником Василия Темного в борьбе его с Шемякой и скорбел душой, видя глубокое па-

дение нравов Новгорода. Им были открыты нетленные мощи святого Варлаама Ухтынского, а также сооружена знаменитая звонница Софийского собора. Преемником святого Евфимия был святой архиепископ Иона. Он тоже отличался своею необыкновенно широкой помощью бедному люду и являлся всегда усердным печальником за Новгород перед великим князем Василием Васильевичем.

Такою же святостью жизни прославили себя святители церкви Пермской, преемники святого Стефана – святые Герасим, Питирим и Иона Пермские, положившие величайшие труды, полные высокого самоотвержения, на просвещение диких язычников.

Во второй половине XV века стяжали себе венец святости и многие иноки; некоторые из них жили отшельниками в отдаленных окраинах Русской земли, преимущественно на суровом севере; другие положили основание многолюдным обителям. Так, преподобный Дионисий положил начало знаменитой Глушицкой обители в Вологодской губернии, в которой подвизались многие святые. Из них особенно замечателен святой Григорий Пелыпемский, отличавшийся чрезвычайно праведной и суровой жизнью. Во время жестоких опустошений, которым предавал Димитрий Шемяка Вологодский край, у святого Григория находили приют множество несчастных, причем с целью их защиты он решил обратиться с увещательным письмом к Шемяке и был за это сброшен им с высокого моста в воду, отчего и принял смерть.

Прославился своей святостью и святой Макарий Желтоводский, следовавший всю свою жизнь самому суровому посту и воздержанию; его подвижническая жизнь производила настолько сильное впечатление, что даже многие татары, видя ее, принимали христианство.

Особенной святостью жизни своих иноков славился также при Василии Темном Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, часто совершенно затиравшийся в зимнее время льдами.

Пустынные берега реки Ваги в дебрях Двинской земли озарились подвигами преподобного Варлаама Шенкурского, бывшего в миру новгородским посадником Василием Степановичем Своеземцевым.

Близ самого Новгорода сын тверского боярина Иван Борозда, в иночестве Савва, побывав на Афоне, основал обитель на реке Вишере, которая также дала Русской земле многих подвижников. Сам же преподобный Савва долгое время подвизался на столпе.

В то же время в пределах Московского великого княжества стяжал себе знаменитость великий подвижник преподобный Пафнутий Боровский. Пафнутий с ранней молодости отличался любовью к благочестию и основал свою обитель, подобно преподобному Сергию, в густом лесу, недалеко от города Боровска. Он вел такой строгий образ жизни, что вкушал ровно столько пищи, чтобы не умереть. Принявши схиму и обрекши себя на уединенную молитву, он после

этого не мог уже совершать литургию и только раз по нужде служил пасхальную обедню, причем совершал это с таким благоговением, что по окончании ее сказал своим ученикам: «Ныне душа моя едва осталась в теле».

Святой Пафнутий отличался неумолимой строгостью в соблюдении чистоты догматов нашей веры и обладал страшным даром проникать насквозь в души приходящих к нему и открывать все их тайные мысли. Во время своей земной жизни он совершил множество исцелений от болезней и ежедневно кормил до тысячи человек, когда случался голод.

Подвизались в это время и несколько знаменитых юродивых: блаженный Максим Московский, блаженный Исидор Ростовский и блаженный Михаил Клопский, живший в Новгороде. Михаил Клопский обладал даром прозорливости и чудотворения, смело обличал Шемяку в его злодеяниях и предсказал его смерть.

Наконец, во время Василия Темного жили и подвизались смиренные основатели первой обители на Белом море – знаменитого Соловецкого монастыря. На устье реки Выга у бедной часовни проживал старец Герман, много постранствовавший на своем веку, причем в этих странствованиях он посетил как берега Белого моря, так и пустынный остров Соловки. Однажды к нему пришел другой старец, убеленный сединами. Это был Савватий, прошедший строгое подвижничество в Кирилло-Белозерской обители, но в поисках за более тяжкими трудами побывавший и в монастыре на Ва-

лаамском острове, откуда он направил свои стопы на север и дошел до часовни, где проживал Герман. Они поселились вместе. Узнав о существовании дикого Соловецкого острова, Савватий уговорил Германа идти с ним туда для подвижничества. Оба древних старца прибыли на остров в 1429 году, совершив в малой ладье переезд через бурное море в течение двух дней. Они построили своими руками убогую хижину и стали терпеливо сносить суровую северную природу, согреваясь любовью к Господу и проводя почти все время в молитве и пении псалмов.

Слух об отшельниках дошел до прибрежных жителей, и они послали одну семью, чтобы ознакомиться ближе со средствами острова с целью устроить на нем поселение. Раз Савватий пел с Германом воскресную всенощную и вышел покадить крест, поставленный перед их кельей. Вдруг неожиданно слышались крики. Оградив себя крестным знаменем, дряхлый старец бросился смело на них и увидел горько рыдавшую женщину. «Я шла к мужу, – объяснила она, – и вдруг встретила двух светлых юношей, сказавших мне: „Бегите отсюда, не для вас это место; сонмы иноков будут здесь славить Бога; бегите, иначе скорая смерть постигнет вас“». Герман рассказал старцу об этой встрече, и оба прославили Господа за возведенную им Его волю.

На шестом году совместной отшельнической жизни Герман отправился на берег к реке Онеге, для нужд кельи; после же его отъезда в том же году старцу Савватию было из-

вещение о скором его разрешении от телесных уз. Он решил поспешить на твердую землю, чтобы приобщиться Святых Тайн и, пробыв два дня на море в ветхой лодке, достиг берега, после чего отправился в часовню на реку Выг, где встретил нового игумена Нафанаила. Нафанаил причастил Савватия, и тот на другой день умер; Савватий скончался сидящим в куколе и мантии, с кадильницей в руках и молитвою на устах и был похоронен тут же, у часовни.

По кончине Савватия остров долго оставался необитаемым. Только в 1436 году старец Герман встретил на устье реки Сумы инокa Зосиму, искавшего удобное место для безмолвия, и рассказал ему про свою жизнь с Савватием. Зосима предложил Герману вновь отправиться с ним на Соловецкий остров, куда оба старца и прибыли благополучно. Они тотчас же поставили себе кущи из ветвей и провели ночь в молитве.

Утром Зосима, выйдя из шалаша, увидел над собой необыкновенный свет и в воздухе церковь. Вначале он ужаснулся, так как еще не был знаком с видениями, но затем возблагодарил Господа за указание места для сооружения храма, после чего немедленно же стал с Германом рубить лес для постановки келий. На исходе лета Герман отправился на сумский берег, чтобы запастись хлебом, и не смог из-за непогоды вернуться до весны на остров, на котором Зосима оставался совершенно один, причем хлеб ему приносили два каких-то неизвестных человека, бесследно затем скры-

вавшиеся.

По возвращении Германа к ним мало-помалу стали собираться другие иноки, и общими трудами была воздвигнута церковь во имя Преображения Господня, в которую блаженный Иона, архиепископ Новгородский, прислал антиминс и церковную утварь. Затем по просьбе братии он послал им и игумена; но игумен этот из-за суровой природы не мог оставаться на Соловках. Иона прислал другого; когда же и второй не выдержал тамошних условий жизни, то братия упростила Зосиму принять на себя игуменство, на что он согласился после многих отказов. Монастырь скоро прославился святостью жизни своих иноков, и к нему начали стекаться богомольцы и приношения.

Через несколько лет была построена другая церковь Преображения Господня, а потом и Успения Божией Матери.

Затем, к великой радости братии, удалось разыскать одного новгородца, который похоронил Савватия у устья реки Выг. Сам Зосима отправился за его телом и перевез в Соловки. Мощи Савватия оказались не только нетленными, но источали при этом благовонное миро.

По делам обители преподобному Зосиме пришлось побывать и в Новгороде. Нравы вольного города пришли в это время уже в полный упадок, и действительная власть над ним принадлежала алчной и властолюбивой женщине – знаменитой Марфе Посаднице из семьи Борецких. Она сурово приняла Зосиму и велела его выгнать из своего дома. Тогда он

покачал головой и сказал: «Вот наступит день, когда в этом дворе исчезнет сила жителей его, и затворятся двери дома сего, и уже никогда не отворятся, и будет двор этот пуст». Новгородский же владыка принял сторону Зосимы и выхлопотал ему грамоту на владение Соловецким островом.

Тогда смилостивилась и Марфа; она просила у него прощения и пригласила на большой обед к себе. Зосима согласился. На этом пиру у Марфы произошло замечательное явление. Святой старец взглянул на шестерых бояр, сидевших за столом, затрепетал и заплакал. Те поняли, что он видел нечто ужасное. «Я видел, – говорил он своему ученику Даниилу, возвратившись с пира, – страшное видение: шестеро этих бояр сидели за трапезой, а голов у них не было; и в другой раз я взглянул на них и то же увидел, и в третий – все то же. С ними сбудется это в свое время, ты сам увидишь, но никому не разглашай неизреченных судеб Божиих».

Старец Зосима скончался 17 апреля 1478 года, на 16 лет пережив великого князя Василия Темного, причем вскоре после его кончины исполнилось виденное им на пиру у Марфы Борецкой.

Он умер в полной памяти, завещав братии мир и соблюдение устава и назначив после себя игуменом отца Арсения. Православная церковь причислила Савватия и Зосиму к лику святых.

Глава 2

Великое княжение Иоанна III Васильевича. Великий Новгород. Брак с Софией Фоминичной. Строительство Иоанна. Присоединение Твери. Менгли-Гирей Ахмат. Братья и внук. Война с Литвою. Победы на Востоке. Сношения с Западом. Внутренние дела Московского государства. Жидовствующие. О титуле русского государя

Василий Темный благословил своего старшего сына Иоан-

на III⁶ Васильевича великим княжеством Московским и городами Коломной, Владимиром, Переяславлем, Костромой, Галичем, Устюгом, Вяткой, Суздалем, Нижним Новгородом, Муромом, Юрьевом, Боровском, Калугой, Алексином и некоторыми другими; остальные же четыре его сына – Юрий и Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой – получили лишь по два – по три второстепенных города в уделы. Таким образом, Иоанн Васильевич получил в наследство область в 30 раз большую той, которую завещал своим детям первый собиратель Москвы, его прапрадед Иоанн Калита.

Такое огромное увеличение московских владений было плодом преемственной деятельности целого рода умных, настойчивых и бережливых предков Иоанна III. Однако размеры этих владений все же составляли лишь незначительную часть всей Русской земли, бывшей под властью Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

Во второй половине XV века почти весь Русский Север, с северо-западным углом у Финского залива, составлял область вольного города – Великого Новгорода, к которому на юго-западе примыкала маленькая область другого вольного города – Пскова. Вся же Западная Русь, нынешняя Белоруссия, вместе с областью Смоленской, и вся Малая Русь (Галиция), Волынь, Подолия и Киевская область, с соседними к ней землями – нынешними великорусскими губерниями –

---

⁶ Иоанн I – Калита, Иоанн II – Кроткий, или Добрый, – отец Димитрия Донского.

Курской и Орловской и даже с частями Тульской и Калужской, входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой же и за Рязанской землей начиналось обширное степное пространство до берегов морей: Черного, Азовского и Каспийского, где оседлому русскому населению не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, свившие себе разбойничьи гнезда в Крыму, надежно прикрытом со стороны русской степи Перекопским перешейком, и на южной Волге, в Сарае и Астрахани.

На средней Волге, как мы видели, обосновались татары Казанского царства; наконец, на нашем северо-востоке – вятчане хотя и числились за московским князем, но мало слушались его.

Сам стольный город Москва лежал вблизи трех окраин княжества: на севере верстах в восьмидесяти начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москве из всех русских княжеств; на юге верстах в ста шла по берегу средней Оки сторожевая линия против самого беспокойного врага – татар; а на западе – в ста же с небольшим верстах за Можайском, в Смоленской области, стояла уже Литва, самый опасный из всех врагов Москвы.

Таким образом, достаточно было нескольких переходов для неприятеля, чтобы он мог достигнуть Москвы с севера, запада и юга. Вместе с тем Московское княжество было далеко не самым крупным. Литовское государство, большинство населения которого состояло из русских, и области Нов-

города Великого были гораздо обширнее его.

Заметим также при этом, что на всем огромном пространстве Русской земли, кроме крайнего севера и востока, не было деревни, которая не находилась бы под чужим, иноземным, игом: на западе они были под властью Литвы, а на востоке время от времени русским князьям приходилось собирать дань, чтобы отправлять ее татарам в Золотую Орду, которые все же продолжали считаться верховными владельцами Северо-Восточной Руси.

Таким образом, несмотря на большие успехи, достигнутые напряженными трудами предков Иоанна III, при восшествии его на прародительский престол дело, завещанное ими, – соби́рание Русской земли – было далеко еще не закончено. Правда, он имел за собой лучшие чувства всех русских людей, всей народной тверди, тяготевшей к Москве, и огромную поддержку в лице нашего доблестного духовенства, а также ряд испытанных, верных слуг среди бояр и прочих чинов военно-служилого сословия. Однако немало предстояло трудов и самому 22-летнему великому князю Иоанну, чтобы вести государство по тому пути, который завещали ему его предшественники и первые митрополиты и чудотворцы московские.

К великому счастью для нашей Родины, он обладал для этого всеми необходимыми душевными свойствами. Это был истинный потомок Всеволода III Большое Гнездо и Иоанна Калиты. Человек твердый, умный и необыкновенно

трудолюбивый, несомненно, отлично знакомый во всех подробностях с прошлым Русской земли, он чрезвычайно ясно усвоил себе великие заветы своих предков и всю свою жизнь настойчиво стремился приводить их в исполнение. При этом, испытав с юных лет превратности судьбы, он рано познал жизнь и людей и к каждому делу относился с необыкновенной обдуманностью, трезво взвешивая все обстоятельства, прежде чем принять какое-либо решение.

Принимая с детства участие в военных походах, он, едва достигнув 17-летнего возраста, уже одержал блистательную победу над татарами на берегу Оки; однако, ставши государем, Иоанн не увлекся славой завоевателя: обращая самое большое внимание на устройство своих вооруженных сил и искусно выбирая для начальствования над ними соответствующих военачальников, он тем не менее по примеру пращура своего Всеволода Большое Гнездо с большой неохотой обнажал свой меч, но когда делал это, то, подобно всем великим полководцам, сразу назначал значительные воинские силы для похода, с тем чтобы быстро решить дело в свою пользу.

Если мы прибавим к этому большую почтительность к матери, нравственность в семейной жизни и истинное благочестие, то мы получим довольно полное представление о молодом великом князе Московском, призванном волею Божиею совершить великие дела для дальнейшего собирания Русской земли в продолжение 43 лет своего великого княжения.

При этом необходимо заметить, что Иоанном всегда очень разбирались средства для означенного собирания, и усиление Московского княжества имело всегда твердые поводы и причины, которые оправдывались обстоятельствами тогдашних княжеских отношений и общеземскими целями. Собрать землю было легко только после того, как были собраны умы народа в полное убеждение, что в земле, как и в каждом дворе, должно быть единое хозяйство и один хозяин – государь. Как только развилось и окрепло понятие о земском государе, так началось и прямое собирание Русской земли, и потому настоящим ее собирателем в смысле земского соединения и настоящим государем всея Руси был Иоанн III Васильевич. Он с большим умением воспользовался силой, накопленной его предшественниками, которая заключалась не в земельных приобретениях, а в общенародном убеждении, что для спокойствия земли необходима единая крепкая власть.

К величайшему нашему сожалению, не сохранилось достоверного изображения Иоанна. Но из описания летописца мы знаем, что это был высокий, стройный князь, с проницательным взглядом; он носил длинную бороду и был, кажется, несколько сутуловат.

С первых же шагов своего великого княжения Иоанн показал себя мудрым правителем, свято чтущим договоры и обязательства. Мы видели, что малолетний рязанский князь Василий воспитывался в Москве, а владениями его управля-

ли московские наместники. Понятно, одним своим словом Иоанн мог присоединить его владения к своим, но он отнюдь не сделал этого, а, по достижении Василием 16 лет, отправил его в Рязань, женив предварительно на сестре своей Анне, с которой был связан нежной дружбой. Этим он приобрел себе в рязанском князе верного и послушного сподвижника.

В то же время со своим шурином, князем Тверским Михаилом Борисовичем, Иоанн заключил договор, как с братом и равным себе великим князем. С Псковом и Новгородом он держал себя также по старине. Когда псковитяне просили у него ратной помощи против ливонцев, он тотчас же послал ее им, после чего немцы позорно бежали; когда же Псков попросил для себя отдельного от Новгорода епископа в надежде, что Иоанн примет их сторону, так как новгородцы по-прежнему делали многое, чтобы возбудить против себя гнев великого князя, то он, во имя справедливости, поддержал новгородского архиепископа, на стороне которого было право, освященное стариной.

Первый поход по вступлении Иоанна III на престол был на Казань. В 1467 году служилый татарский царевич Касим донес Иоанну, что его доброхоты в Казани предлагают ему самому сесть здесь на царство, и просил у Иоанна помощи. Он выслал ему сильную рать под начальством князя Стриги-Оболенского. Рати, однако, из-за осеннего времени не пришлось сражаться с казанцами, причем вследствие наступившего ненастья она отходила с такими лишениями,

что даже принуждена была есть в постные дни скоромное. Но князьям Даниилу Холмскому и Хрипуну Рязанскому и некоторым другим воеводам удалось разбить отдельные татарские отряды в 1468 году, за что татары в том же году подошли к Вятке и заставили ее жителей передаться казанскому хану.

Тогда весной 1469 года великий князь послал на Казань большую рать из боярских детей на судах под начальством воеводы Константина Александровича Беззубцева, из славного рода бояр Кошкиных-Кобылиных; другая рать, собранная из московских городских людей, шла с князем Нагим-Оболенским. Она должна была соединиться с первой под Нижним Новгородом. Наконец, третья рать, под начальством князя Даниила Ярославского, была двинута из Вологды и Устюга на Вятку, чтобы заставить вятчан идти на казанского царя.

Беззубцев и Нагой-Оболенский соединились в Нижнем. По-видимому, в это время казанская ханша, имевшая у себя огромное влияние на дела, успела прибыть в Москву и упротить Иоанна вступить в переговоры о мире, так как Иоанн послал Беззубцеву грамоту, в которой приказывал ему самому стоять в Нижнем, а отпустить на Казань только охотников. Но когда Беззубцев передал через князей и воевод эту грамоту рати, то все войско, как один человек, отвечало: «Все хотим на окаянных татар за святые церкви, за государя великого князя Иоанна и за православное христианство», – и

поэтому Беззубцев, исполняя приказ великого князя, остался один в Нижнем.

Ратники же, отслужив молебен за государя и по силе раздав милостыню, на третьи сутки подошли к Казани. Здесь они неожиданно напали на посад, убили в нем и сожгли множество татар и освободили большое количество христианских пленников; затем они отступили на близлежащий остров в ожидании подхода главной рати хана Ибрагима, собравшего большие силы. Действительно, татары не замедлили появиться в огромном количестве; воеводы и ратники собрались крепко обороняться и начали отсылать от себя молодых людей с большими судами. Но молодежь также рвалась в бой; она стала нарочно в такое место, где должна была встретиться с татарами, и вместе со старшими ратниками прогнала неприятеля до города, после чего все благополучно отошли на соединение с Беззубцевым. Последний вскоре блестяще отбил нечаянное нападение татар, произведенное на него после того, как ханша Казанская, возвращавшаяся из Москвы, объявила ему о заключении мира.

Еще более блистательными подвигами ознаменовали себя войска князя Ярославского, шедшего к Казани реками Вяткой и Камой. Они подошли тогда, когда рать Беззубцева уже ушла из-под нее и вся казанская сила преградила им судами выход из Камы в Волгу. Тем не менее, несмотря на огромное неравенство сил, русские смело вступили в бой, чтобы пробить себе дорогу. Битва была ожесточенная; секлись, схва-

тываясь руками; несколько русских воевод пало на месте, но наши беззаветные храбрецы во главе с доблестным князем Василием Ухтомским, который скакал по связанным неприятельским судам и бил палицей неприятелей, наконец пробились и с честью прибыли к Нижнему, откуда послали бить челом Иоанну.

Великий князь до крайности обрадовался этим подвигам и дважды посылал Ухтомскому и Ярославскому по золотой деньге, что считалось в то время величайшей наградой. Скромные герои наши отдали эти деньги священнику, который был с ними под Казанью, прося его помолиться Богу о государе и обо всем его воинстве.

Эти блистательные подвиги не дали, однако, осязательных следствий, так как войска наши действовали порознь. Тогда летом того же 1469 года Иоанн послал под Казань двух своих братьев: Юрия и Андрея Большого, со всею силою московской и устюжской, конной и судовой, которая 1 сентября вогнала татар в город, обвела вокруг него острог и переняла воду. При таких обстоятельствах Ибрагим, видя себя в большой беде, заключил мир по всей воле великого князя и выдал всех пленников, взятых за 40 лет, которых было, конечно, великое множество.

Усмирив Казань, Иоанну пришлось заняться Господином Великим Новгородом.

Мы видели, что только особое заступничество святого Ионы, архиепископа Новгородского, и смерть Василия Тем-

ного помешали последнему нанести окончательный удар новгородским порядкам, которые развились во время княжеских усобиц на Руси и которым необходимо было положить конец, когда земля вновь начала собираться к Москве. Однако Иоанн III, верный своему правилу – свято чтить договоры и без крайней нужды не прибегать к оружию, – тщательно соблюдал, как мы говорили, по отношению к Новгороду старину и мир, заключенный его отцом.

Конечно, новгородцы отлично понимали, что при первом же случае, когда они нарушат свои обязательства к Москве, то последняя поднимется грозной войной, которая сразу положит конец их независимости.

В вольном городе, как всегда раздираемом раздорами различных партий, к этому времени возникло разделение между сторонниками Москвы и сторонниками другого собирателя Руси – Литвы, которая одна могла противостоять Москве. Литовские князья были католиками, а новопоставленный для Западной Руси митрополит Григорий человеком весьма сомнительного православия; поэтому отделение Новгорода от Москвы на сторону польско-литовского государя – Казимира – являлось, несомненно, изменою как русскому делу, так и православию.

Зато эта отдача себя под покровительство Литвы сулила сохранение старых вольностей, которыми пользовалось исключительно новгородское властолюбивое денежное боярство, почему среди этого боярства и образовалась сильная

партия, решившая поддаться Казимиру, чтобы оградить себя его заступничеством от Москвы. Во главе ее стояла вдова умершего посадника Марфа Борецкая, на пиру у которой имел страшное видение святой Зосима. Эта алчная до власти старуха, несмотря на свой преклонный возраст, так как имела уже взрослых сыновей, изо всех сил старалась привлечь на сторону Литвы возможно больше сторонников и не щадила для этого своих богатств, причем мечтала выйти замуж за того литовского сановника, который будет прислан Казимиром в Новгород наместником, и рассчитывала разделить с ним власть.

Подобное явно враждебное к Москве настроение не замедлило сказаться: скоро в Новгороде начались оскорбления великокняжеских людей и нападения на московские владения. Иоанн III, конечно, отлично понимал, в чем заключалось дело, но решил сначала действовать на новгородцев увещаниями. Он кротко послал им сказать: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя, не творите лиха, живите по старине!»

На это новгородцы оскорбили великокняжеских послов на вече и послали ему такое дерзкое слово в ответ: «Новгород не отчина великого князя. Новгород сам себе Господин».

Но и этот дерзкий ответ не вывел из терпения Иоанна.

Он послал на него сказать новгородцам: «Отчина моя Великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, не вступайте в мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно,

посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».

Московские бояре заметили великому князю, что Новгород оскорбляет его достоинство. Но он хладнокровно отвечал им: «Волны бьют о камни и ничего камням не сделают, а сами рассыпаются пеною, как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородскими».

Между тем в 1470 году умер глубокочтимый Иоанном новгородский владыка святой Иона, бывший, как мы видели, горячим защитником своего города перед Москвой, причем на его место был выбран Феофил, человек слабой воли и без связей в Москве, а к новгородцам прибыл из Киева на княжение, по их приглашению, Михаил Олелькович, внук Ольгерда, – человек православный, но подручник и сторонник Казимира. В это же время партия Марфы Борецкой стала настойчиво требовать заключения договора с Литвою о переходе Новгорода под ее власть. В городе по этому поводу начались оживленные сходки, совещания и споры.

Новгородцы в это время были уже далеко не такими доблестными людьми, которых мы видели во времена Ярослава Мудрого. Несмотря на то что земля их была всегда в особо благоприятных условиях сравнительно с другими русскими землями, так как она почти не страдала от княжеских усобиц и почти не знала половцев и татар, ведя при этом богатейшую торговлю и обладая богатейшими же владениями на северо-востоке Руси, население ее заметно выродилось к концу

XV века. Уважение к великокняжеской власти пало, воинская доблесть граждан исчезла, и нажива и властолюбие были главнейшими нравственными двигателями всех, причем денежная знать всецело владела вечем путем подкупа «худых мужиков-вечников». Положение же новгородских крестьян было самое тяжелое по сравнению с крестьянами остальных местностей. Падение общей нравственности вызвало, конечно, сильные беспорядки во всех отраслях управления. Описывая новгородские злоупотребления, летописец с горечью замечает, что не было тогда в Новгороде правды и правого суда, был по всей области раздор, крик и вопль, «и все люди проклинали старейшин наших и город наш».

В это время в подгородном новгородском урочище Клопске жил замечательный праведник, про которого мы уже говорили: это был юродивый – блаженный Михаил Клопский. Он еще в 1440 году, встретив новгородского владыку Евфимия, сказал ему: «А сегодня большая радость в Москве. У великого князя (Василия Темного) родился сын, которому дали имя Иоанн. Разрушит он обычаи Новгородской земли и принесет гибель нашему городу».

Приезд Михаила Олельковича, состоявшийся в 1470 году, и деятельность партии посадницы Марфы по переходу под власть Литвы совпали со страшными знамениями в Новгороде. Сильная буря сломила крест на Святой Софии; колокола в Хутынском монастыре сами по себе издавали печальный звук; на некоторых гробах появлялась кровь. Посадник

Немир, также сторонник Марфы и Казимира, заехал однажды в монастырь к Михаилу Клопскому. Тот спросил Немира: «Откуда ты?» – «Был, отче, у своей пратещи (тещиной матери)». – «Что у тебя, сынок, за дума, о чем это ты все еддишь думать с женщинами?» – «Слышно, – сообщил посадник, – летом собирается на нас идти князь Московский, а у нас есть свой князь Михаил». – «То, сынок, не князь, а грязь, – возразил блаженный. – Шлите-ка скорей послов в Москву, добивайте челом великому князю за свою вину, а не то он придет на Новгород со всеми своими силами. Выйдете вы против него, и не будет вам Божьего пособия, и перебьет он многих из вас, а еще больше того в Москву сведет, а князь Михаил от вас в Литву уедет и ни в чем вам не поможет».

Слова блаженного сбылись. Узнав о переговорах с Казимиром, Иоанн Васильевич опять послал кроткое увещание Новгороду, припоминая ему, что он издревле знает только княжеский род святого Владимира. Вместе с тем послал увещание новгородцам и митрополит Филипп.

Но оба увещания не помогли, и московские послы были отправлены назад с бесчестьем.

Иоанн и после этого не разгневался и еще раз послал в Новгород своего посла Феодора Топоркова с таким словом: «Не отступай, моя отчина, от православия; изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине». Митрополит Филипп также послал

новое увещание. Но ничто не помогло. Многочисленное посольство из знатных новгородцев отправилось в Литву и заключило с Казимиром договор о переходе Новгорода под его руку, причем он обещал сохранить его вольности и не трогать православия. Вот начало этого навсегда позорного для Новгорода договора: «Честной король Польский и князь великий Литовский заключили дружеский союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысяцкими новгородскими, боярами, людьми житыми, купцами и со всем Великим Новгородом...»

Этот договор, как увидим, был вместе с тем и смертным приговором Новгороду.

Узнав про него, великий князь Московский решил наконец обнажить свой меч на изменников Русской земли.

В мае 1471 года Иоанн созвал на думу братьев своих, митрополита, архиепископов, бояр и воевод и, объявив, что решил идти на Новгород за его измену, предложил вопрос, выступать ли немедленно или ждать зимы, пока замерзнут болота и реки Новгородской земли. Решили выступить немедленно. Сам великий князь шел с главной ратью на Новгород, а воевода Образцов должен был идти завоевывать Двинскую область. В Москве был оставлен сын великого князя Иван Молодой. В Псков же и Тверь было послано предложение присоединить свои войска к великокняжеским.

Поход этот пользовался общим сочувствием. «Неверные, – говорит летописец, описывая его, – изначально не знают

Бога, а эти новгородцы столько лет были во христианстве и под конец начали отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычных и на отступников от православия».

Скоро великокняжеские войска вступили с разных сторон на Новгородскую землю и стали страшно ее опустошать; к ним не замедлили присоединиться полки псковские и тверские, а новгородцы между тем остались без князя и без помощи. Михаил Олелькович, как и предсказал Михаил Клопский, поспешил от них уехать в Киев, ограбив по дороге Старую Руссу. Король же Казимир не трогался с места и не послал им ни одного человека. Тогда новгородцы обратились за поддержкой к ливонским немцам; те начали пересылаться с великим магистром, а в это время головные московские полки под начальством князя Даниила Холмского сожгли Руссу и побили две передовые новгородские рати, среди которых господствовало то же раздвоение, как и в самом Новгороде. При этом московские ратные люди, овладев во множестве снаряжением новгородцев – кольчугами, щитами и шлемами, с презрением бросали их в воду, говоря, что войско великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в принадлежавших изменникам.

Видя, что на постороннюю помощь рассчитывать трудно, новгородские приверженцы Литвы стали наспех собирать собственное войско: они силою выгнали в поход плотников, гончаров и других ремесленников, которые отроду и

на лошадь не сажались. Кто не хотел идти, тех грабили, били и бросали в Волхов. Таким образом набралось до 40 тысяч человек; войско это было вверено посаднику Димитрию Борецкому – сыну старухи Марфы. Оно двинулось по левому берегу Шелони, рассчитывая нанести отдельное поражение псковичам, шедшим с запада. Но великий князь предвидел это движение новгородцев и своевременно направил князя Даниила Холмского по правому берегу реки на соединение со псковичами.

Завидя новгородские полки, шедшие по левому берегу Шелони на псковичей, московские воеводы, несмотря на то что у них было всего лишь немного больше четырех тысяч человек, решили вступить в бой с в 10 раз сильнеешим противником, веря в искусство своих воинов и прекрасный дух, их оживлявший. Они обратились к ним со словами: «Настало время послужить государю; не убоимся и трехсот тысяч мятежников. За нас правда и Господь Вседержитель» – и затем во главе рати кинулись, «яко львы рыкающе, – говорит летописец, – через реку ону великую», в глубоком месте, где не было брода. Мужественные московские воины последовали за своими вождями вплавь, причем никто не утонул. Достигнув же противоположного берега, они стремительно бросились на врага с победным кличем: «Москва!.. Москва!..» Новгородцы потерпели страшное поражение: 12 тысяч человек пало на месте, а 17 тысяч было взято в плен, в том числе и Димитрий Борецкий с двумя воеводами. Вме-

сте с тем в обозе была найдена и изменническая договорная грамота с Казимиром.

Великий князь получил известие о Шелонской победе в Яжелбицах, в 120 верстах от Новгорода, откуда он перешел к Руссе, уверенный, что сюда не замедлят явиться новгородские послы с просьбой о мире. Но, к своему удивлению, он узнал, что Новгород волнуется по-прежнему и что литовская сторона, несмотря на все неудачи, держит верх. Тогда Иоанн, возмущенный, без сомнения, договорной грамотой с Казимиром, приказал казнить Дмитрия Борецкого с тремя знатными пленниками. «Вы за короля задаваться хотели», — сказал он им.

Скоро новгородцы увидели, что дальше сопротивляться им будет невыносимо; власть в городе перешла к московским сторонникам, и владыка Феофил был послан с челобитьем. Иоанн милостиво даровал мир по всей старине, взяв лишь за проступку 15 500 рублей деньгами, причем в своем договоре жители вольного города обязывались ни под каким видом не отдаваться Литве, а быть неотступно с Москвою; владык же своих тоже ставить по старине у гроба святого Петра-чудотворца в Москве.

Одновременно с поражением на Шелони новгородцы были наголову разбиты и в Двинской земле московским воеводой Образцовым, хотя он имел только 4 тысячи человек против 12 тысяч. Однако, несмотря на эту победу, Иоанн и здесь заключил мир по старине: отдал Новгороду его заволоцкие

владения, потребовав лишь возвращения всех прежних захватов, сделанных там в московских владениях, преимущественно во время Шемякиной смуты.

Такое счастливое окончание борьбы с грозным московским князем не принесло никакой пользы Новгороду и никого в нем не образумило. Там опять немедленно начались распри сторон и бесчинства сильных денежных людей.

Скоро степенный посадник Василий Ананьин со своими приспешниками, в числе коих были все больше бывшие сторонники Литвы, напал на две улицы – на Славкову и Никитину, которые, видимо, доброхотствовали Москве, и переграбил и перебил их людей, многих даже до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.